

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

УБИТЬ ВОРОНА
ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ!

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Ищите женщину

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Ищите женщину / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

С двух убийств начинается роман «Ищите женщину!» – высокопоставленного американского дипломата и молодого журналиста со скандальной репутацией. Сложное и крайне запутанное дело достается на этот раз «важняку» Турецкому. Но все факты нужно выстроить в одну картину. И, прежде всего, найти связь между убийствами...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Убийство в «Мегаполисе»	5
Дипломатические тонкости	10
Столик с секретом	15
Информация для прессы	19
Первые звонки	22
Диссидентская история	24
Пустое дело	30
Похищение	34
Ключи от квартиры	39
В купе «Красной стрелы»	46
Дневник Вадима Кокорина	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Убийство в «Мегаполисе»

Они сидели в мягких креслах, разделенные низким стеклянным столиком. Перед солидным, стареющим джентльменом – иначе этого собеседника и не назовешь – лежал замшевый потертый кисет с табаком и шпильками для манипуляций с курительной трубкой, которую он держал в руке, – хороший, старый «бриар» с прямым мундштуком. И сам он был под стать своей трубке: седая щеточка усов, тщательно расчесанные седые редкие волосы, строгие черты лица и длинные, ухоженные пальцы. Он был американцем, хотя внешностью и манерами напоминал скорее англичанина. И немудрено, за несколько лет дипломатической службы на Британских островах господин Джеймс Петри сумел обрести английский лоск.

Его собеседник курил отечественные сигареты «Союз-Аполлон», – возможно, из чувства патриотизма. Нераспечатанная пачка и зажигалка лежали перед ним на столе. Темноволосый и круглолицый, он был облачен в коричневую кожаную куртку и джинсы – обычная дневная одежда делового молодого россиянина. Под его рукой, на подлокотнике кресла, лежала пластиковая папочка.

Молодой человек, судя по выражению лица, был разгорячен разговором, американец же – безмятежно спокоен. Говорили они по-русски, хотя американцу это давалось с трудом. Но так настоял молодой, ибо не желал двусмысленностей: на свой английский он не очень полагался.

– Вы должны понять, – медленно говорил американец, – что документы, о которых идет речь, не имеют отношения к вашей частной проблеме.

– Как знать... Может, не совсем конкретно, зато они открывают некоторые тайные пружины, которые двигали вашими политиками на определенном этапе нашей совместной истории. Тогда почему же это не может стать гвоздем для читателей?

– Гвоздь? – слегка нахмурился американец.

– Ну сенсация, чтоб вам было ясней. Может быть, давно пора объяснить и вашему и нашему народам, кто есть кто, а не изгаляться в прессе по разного повода импичментам, а?

– Если вы имеете в виду партийные разногласия в вашей... Думе? То эта информация вряд ли что-то добавит. Нет, пользы не будет. А урон – так? – может быть несоизмерим.

– Не пойму, вам-то чего бояться? Ну вот я захватил с собой копии, могу показать. – Молодой человек взял в руки папку, перебрал несколько листов, находящихся в ней, снова сунул под локоть. – Вы поймете, что ничего убийственного в них нет. Скандал? Это да, может возникнуть, ну как же! Такие фигуранты! Но это все, повторяю, по моему мнению, в пределах частных интересов. И я намерен, как уже сообщал вам, использовать их в сугубо личных целях. Ваше ФБР морочило мне голову, тянуло время, а теперь вдруг спохватилось.

– Мы совершенно определенно могли бы оказать вам ту помощь, на которую вы так рассчитывали. Некоторая несогласованность в действиях э-э... служб нередко приводит к сбоям, так? Но все можно поправить, и вы получите необходимые вам сведения.

– Ну да, теперь, когда я и сам все узнал, ваши службы готовы мне помочь, понятно. Но за какую цену? У вас же, я знаю, бесплатно даже воробей не чирикает...

– Это остроумно, – без улыбки заметил американец.

– Значит, я вам – документы, а вы мне – что? Правду? Какую? Да и кому она сегодня вообще нужна? Нет, я бы поставил вопрос иначе. Вы хотите заполучить то, что у меня имеется и представляет интерес для вас, я так понял? – И, дождавшись кивка американца, продолжил: – Для меня же эти бумажки представляют интерес исключительно журналистский. Это в некотором роде сенсация, за которую начальство заплатит мне хорошие деньги.

– Если вы действительно в этом уверены, назовите мне сумму, в которую вы оцениваете... – американец улыбнулся и затянулся трубкой, – которая достойна ваших э-э... журналистских усилий.

– Значит, вы уполномочены вести со мной торг? – хитро сощурился молодой человек. – И коли так, то выходит, что бумажки эти не столь уж и безобидны? А это, в свою очередь, резко повышает их стоимость. Ну представьте себе, вот в той ситуации, которая сейчас развивается вокруг, к примеру, вашего президента, во что были бы оценены некоторые факты, которые я... да просто продал бы одному из ваших корреспондентов?

– Просто продать – ничего не значит. Нужны очень веские доказательства!

– Есть, – вырвалось у молодого человека, но он тут же поправился: – В смысле – найдутся. Можно так считать.

– Они у вас... – американец показал мундштуком трубки на папку, – тут?

– Ну что вы! За кого меня, ей-богу, держите?! Да будь они тут, я бы и двух шагов не сделал: машина бы сбила или санкционированное бандитское нападение устроили... Да мало ли есть способов изъять и заодно расправиться!

– Тогда я могу посмотреть?

– Сделайте одолжение. – Молодой протянул американцу папку и взялся за сигареты. Пока тот быстро и несколько даже нервно просматривал листы ксерокопий, молодой человек зажег сигарету, затянулся и, откинув голову на спинку кресла, внимательно наблюдал за выражением лица читавшего. Но оно оставалось будто каменным. Вот сила воли! А ведь там было чему изумиться... Уж это молодому журналисту было хорошо известно.

И еще он думал, что, в конце концов, ради приличной суммы можно было бы и пожертвовать какими-то деталями, кстати, не очень существенными с точки зрения сюжета. А вот с политической – тут оно конечно.

– Я думаю, – сказал американец, аккуратно складывая листы обратно в папку и небрежно кидая ее перед собой, – что эти материалы могли бы стоить... ну, например, до пятидесяти тысяч долларов. – И, не взглянув на собеседника, занялся своей трубкой.

«Как минимум вдвое, – решил молодой человек. – Отчего же, можно и поторговаться...»

– Мне трудно оценить ваши критерии, но я, вероятно, прежде чем дать вам окончательный ответ, мог бы посоветоваться с кем-нибудь из «Ройтера» – так, не вдаваясь в детали, лишь в общих чертах. У меня там есть знакомые.

– Но... в этом нет никакой необходимости! – явно заволновался американец.

– Ну так назовите настоящую цену! – похоже, обозлился его собеседник. – Чего это мы с вами как на одесском Привозе? Не надо ломать комедию друг перед другом. Задешево я не отдам...

– А вы не боитесь их просто так... потерять? – успокоившись, спросил американец.

– Не боюсь. Они в очень надежном месте. И под постоянным присмотром, можете не сомневаться. И если мне будут угрожать, то документы всплывут и наделают, как вы говорите, много лишнего шума. Для вашей страны. Потому что у нас уже достаточно много такого компромата, что хватило бы на десяток импичментов, просто на это дело все давно плюют с высокого бугра. А у вас – демократия, у вас каждый плевком тут же под микроскопом рассматривают. Вот и делайте вывод, кому сей компромат важнее, – молодой человек так же небрежно ткнул пальцем в папочку. – Если вы не готовы к окончательному ответу, можете взять копии с собой и еще раз прикинуть. Потом позвоните и дадите окончательный ответ. И обговорим условия передачи: мне – денег, вам – документов. И еще хорошо бы следующую встречу назначить где-нибудь в другом месте, не люблю я эти якобы неприступные отели, где все насквозь прослушивается и просматривается. Ну мне-то наплевать, я журналист, а вам зачем? Вы ж все-таки крупное должностное лицо, так я понимаю? Или это тоже входит в вашу задачу?

Американец испытующе посмотрел на него и чуть заметно улыбнулся.

– Вы, наверное, очень... способный журналист, – заметил он. – Жаль, что мне до сих пор не приходилось читать ваши э-э... корреспонденции.

– Это дело несложно поправить. Могу вам обещать, что к следующей нашей встрече я постараюсь подобрать что-нибудь поинтереснее.

– Ну хорошо, как я понял вас, вы намерены... торговаться?

– Вот именно.

В дверь негромко постучали. Американец посмотрел удивленно, затем поднялся, подошел к двери и повернул рукоятку, напоминающую защелку английского замка...

С мягким шелестом открылась дверь служебного лифта, и официант в белой форменной куртке с золотистым вензелем на верхнем кармане покатиł по ковровой дорожке сервировочный столик, накрытый белоснежной салфеткой. Был он рослым, но худощавым, с удлинненным бледным лицом и гладко зачесанными назад длинными светлыми волосами. Чуть косо сидящая черная бабочка, никак не гармонирующая с унылым выражением физиономии, а также скверно выглаженные форменные брюки с атласными лампасами и несвежие белые перчатки выдавали наиболее заурядного представителя данной профессии, типичного для всех российских отелей или гостиниц, как ни называй – от заштатных до самых фешенебельных и многозвездочных.

Тяжелый даже по внешнему виду охранник, уже больше часа маячивший возле единственной двери апартаментов в этом крыле отеля, неодобрительно оглядел приближающуюся фигуру и сделал ладонью повелительный знак остановиться. Вызов официанта, кажется, не предусматривался шефом, беседующим в настоящий момент с русским журналистом за закрытыми дверями.

Охраннику, честно говоря, было многое непонятно. Начиная с самого отеля, избранного шефом для переговоров. Нелепое пятиэтажное здание с высоченными потолками, гигантскими коридорами и относительно небольшими апартаментами. Все у этих русских наоборот: там, где расположены удобства и должен ощущаться простор, там тесно, а в этих никому не нужных коридорах можно в бейсбол играть. Единственный, может быть, плюс – это тихое место в Замоскворечье, так называл шеф этот район Москвы. Еще он говорил, что здесь неплохая кухня, любой иностранец, поселившийся здесь, может заказать свое любимое национальное блюдо. Видимо, потому и останавливается здесь приятель шефа, когда приезжает в Москву по поводу своего бизнеса. В его номере, собственно, и происходит сейчас встреча шефа с русским.

И еще одно обстоятельство смущало охранника. Известно ведь, что все помещения подобного типа, о чем постоянно повторяют и напоминают им на инструктаже, в обязательном порядке прослушиваются русскими спецслужбами. Вероятно, не составляли исключения и данные апартаменты отеля «Мегаполис». Но тогда, может быть, шефу и нужна была уверенность, что содержание его беседы станет известно русской службе безопасности? Однако к чему все эти сложности? Не проще ли было пригласить этого молодца на одну из явочных квартир, в посольство, наконец? Или данный вариант устраивал прежде всего русского – из соображений собственной безопасности? Черт их всех разберет! А рассуждать об этом, в конце концов, вовсе не дело охраны.

Этот бывший морской пехотинец, облаченный в гражданский костюм, не говорил по-русски, да от него никто и не требовал знания чужого языка. Ему вполне хватало жестов. Он рукой отстранил официанта от сервировочного столика, достал из кармана миниатюрный металлоискатель и одним ловким движением прошелся им по всему телу служащего ресторана. Затем поднял крахмальную салфетку и внимательно осмотрел стоящее на столике: вазу с виноградом и яблоками, прикрытый матерчатым колпаком горячий кофейник, чашки с блюдами и ложками, сахарница, две бутылки минеральной воды, стаканы. Ничего подозрительного. Нижняя полка была пуста, если не считать стопки бумажных салфеток. Охранник заглянул под верхнюю полку, после чего жестом ладони разрешил следовать в номер.

Официант подкатил столик к двери, изогнулся и по-холуйски осторожно постучал в дверь. Через короткое время ему открыли. Охранник лениво отошел к торцовому окну, откуда просматривался и этот коридор, и другой – отходящий от него под прямым углом.

Дверь щелкнула за спиной официанта, на лице которого унылая лень мгновенно сменилась маской озабоченности. Американец не успел и глазом моргнуть, как все предметы перекочевали с сервировочного столика на стеклянный журнальный. Быстро и ловко была разостлана салфетка, чашки и стаканы расставлены перед собеседниками, в середине – фрукты, вода, кофейник со снятым колпаком, сахарница. Еще миг – и минералка открыта и вода налита на треть высоких стаканов.

Так же молча и ни на кого не обращая внимания, озабоченный официант, сделав короткий кивок, покатил столик обратно к двери, в небольшой тамбур.

– Это вы заказывали? – удивленно спросил у журналиста американец.

– И не думал, – пожал тот плечами. – А впрочем, почему не выпить боржомчику? Да и от кофе не откажусь.

– Странно, – сказал сам себе американец, садясь в кресло.

В этот момент за спиной журналиста послышались шаги, американец поднял глаза и вдруг вскинул к лицу руки, словно заслоняясь от удара. Эта пантомима разыгралась почти мгновенно. Что-то металлически лязгнуло. Журналист увидел, как американец дернулся в кресле и тут же обмяк, роняя руки и заваливаясь на бок, рубашка его и правая рука вмиг покраснели.

Журналист резко обернулся и увидел возле самого лица черный зрачок пистолета. Нового выстрела он уже не услышал...

Официант вышел в коридор со своей каталкой минут через пять. Аккуратно защелкнул за собой дверь. На молчаливый вопрос охранника, мол, долго они еще там? – официант безразлично пожал плечами и, пятась, покатил столик к лифту. Он никуда не торопился, словно работа ему давно обрыдла и спешить вообще некуда и незачем.

Открылась дверь служебного лифта. Он вошел и закатил за собой столик. Но нажал на кнопку не служебного помещения ресторана, а нижнего, подвального этажа. Пока лифт опускался, официант снял куртку и бабочку, скинул перчатки, свернул все это в ком и бросил на нижнюю полку столика. Когда дверь открылась, выкатил его и коротким толчком отправил в темный угол помещения. Туда же зашвырнул и форменные брюки, под которыми оказались другие, вполне пристойные и хорошо отглаженные. В таком новом виде он тут же поднялся по неширокому пандусу в узкий колодец двора, где его ожидала грузовая машина с надписью «Продукты» на крытом металлическом кузове. Сев рядом с водителем, он надел висевший там пиджак и махнул рукой вперед.

Также без единого слова они выехали со двора. Охранник, не глядя в документы, поднял палку-шлагбаум и пропустил машину. Его напарник даже не вышел из стеклянной будки. Молчаливый водитель привез своего пассажира на Лубянскую площадь и, сделав по ней круг, остановился на углу Большого Черкасского переулка. Перед тем как выпустить пассажира из кабины, протянул ему газетный сверток. Пассажир небрежно надорвал угол обертки и, кивнув, сунул сверток в боковой карман. Водителю же передал целлофановую папку с бумагами, ключи и удостоверение журналиста.

Выйдя, он подождал, пока грузовик отъедет, а затем прошел по переулку вглубь, где был припаркован подержанный «мерседес». Открыв багажник машины, он достал аккуратно свернутый плащ, который тут же надел, ибо было довольно прохладно, и сумку – ее он забрал в салон. Уже сидя за рулем, кинул в сумку сверток с деньгами, а оттуда извлек американский паспорт на имя Думитриу Апостолу, права на вождение автомобиля и авиационный билет на рейс в Берлин, регистрация на который должна начаться через сорок минут.

«Как говорят русские, тютелька в тютельку, – скептически усмехнулся он. – Или эта хохма имеет отношение исключительно к карликам?»

Через несколько минут он уже катил по Тверской в сторону Ленинградского шоссе и далее – в аэропорт Шереметьево-2.

И только когда уже закончилась регистрация на самолет компании «Люфтганза» и пассажиров пригласили пройти на посадку, в Замоскворечье, в элитной гостинице «Мегаполис», вспыхнула паника.

Ее поднял гориллообразный американский охранник, объяснивший администратору, что охраняемый им объект, являющийся не кем-нибудь, а консулом посольства Соединенных Штатов Америки в России, господин Джеймс Петри вот уже около двух часов не выходит из номера и не отвечает на стук в дверь.

Взволнованный администратор в сопровождении слесаря, горничной и прочей прислуги, а также начальника охраны отеля и американца поднялся на четвертый этаж, вскрыл апартаменты и вошел. Картина, которую он увидел, привела его в неопишуемый ужас. Консул и журналист лежали в креслах, залитые кровью. При убитых не оказалось никаких документов. Вероятно, убийца все унес с собой. Ошарашенный в не меньшей степени охранник смог заявить лишь одно: собеседник господина консула был, кажется, русским журналистом. И все, больше никаких сведений.

Начальник охраны немедленно взял ситуацию в свои руки: приказал всем удалиться из номера и собраться в холле на этаже, ничего больше не трогать и не выяснять. До приезда тех, кому положено этим заниматься.

Номер был опечатан, врачебная помощь не понадобилась, ибо по первоначальному предположению врача из медпункта смерть обоих наступила более часа назад.

Позвонив дежурному ГУВД Москвы, благо телефон висел в дежурке перед носом, начальник охраны постучал в небольшую комнату, одну из многих в служебном помещении, и рассказал о происшедшем вышедшему в коридор человеку, который, как было ему известно, осуществлял в гостинице некий контроль от лица одной из федеральных служб. Тот послушал, покивал, посочувствовал и ушел к себе. Минут десять спустя, сунув в карман магнитофонную кассету, он вышел из отеля, сел в «жигуль» и отбыл.

Дипломатические тонкости

У начальника МУРа Вячеслава Ивановича Грязнова шло важное совещание. Как отголосок того, которое происходило накануне в Главном управлении внутренних дел. Смысл и того и другого сводился к тому, что в стране, особенно в последнее время, активизировалась организованная преступность, ввиду чего были сделаны официальные заявления руководства страны, а также даны определенные обещания со стороны руководителей силовых и правоохранительных структур. Затем, как это было обычно до сих пор, последовали новые резкие заявления и такие же новые обещания. Одновременно указывалось на снижение уровня оперативно-розыскных мероприятий, качества следственной деятельности, наконец, на отсутствие необходимой судебно-юридической базы, отсутствие важнейших законов, регулирующих... и так далее. Словом, в соответствующих министерствах и службах спят, думцы лоббируют принимаемые в интересах преступных группировок решения, а угрозыск и вовсе отказался от своего славного краснознаменного прошлого.

Получив от руководства соответствующий втык, Грязнов не собирался оставаться в долгу перед подчиненными и теперь раздавал каждому по заслуженной порции. За этим сугубо воспитательным и благородным делом его и застал сигнал телефонного аппарата с золотистым гербом на корпусе. Подобные мероприятия – не самое приятное дело даже для очень закаленных духовно и телесно мужчин. Поэтому Грязнов был хмур. Но то, что он услышал по правительственной связи, вообще ввергло его в полное уныние. Все, что он мог вымолвить по поводу новости, вложилось в короткое и выразительное русское «твою мать!..».

Народ замер. Вячеслав Иванович – всем это было хорошо известно – умел крепко выражать свои бурные чувства. Здесь же прозвучала интонация беспомощности.

– И кто сейчас там? – спросил он у невидимого собеседника. – Наумов? Это, что ли, который из президентской охраны? Ну, пиши пропало... Слушаюсь. Принимаю к исполнению.

Грязнов положил трубку, безнадежно посмотрел на нее и уныло заявил:

– Закончим в следующий раз. Ничего нового все равно не скажу. Все свободны. Яковлеву и убийному отделу остаться. – А когда основная масса начальников покинула кабинет, сказал оставшимся своему первому заместителю и начальникам отдела и отделений по расследованию убийств: – Хана, мужики. Восемнадцатый год помните? Когда эсеры Мирбаха замочили? Ну вот, повторяется. Только что в «Мегаполисе» кокнули американского консула Джеймса Петри. Все службы уже на ушах. Давай, Володя, – повернулся к Яковлеву, – готовь лучшие силы на выезд.

– Надо бы сказать, чтоб они там до нашего прибытия ничего не трогали, – высказал наивную надежду полковник Яковлев.

Грязнов взглянул на него с сожалением:

– Ты же слышал, там уже обосновались деятели из охраны президента. Значит, живого места не осталось. Это ж слоны, мать их!..

Короткое время спустя мигающий «форд» начальника МУРа и два микроавтобуса-«мерседеса» с оперативниками и экспертами неслись по Петровке, распугивая сиренами наглых российских нуворишей с их крутыми иномарками.

Вячеслав Иванович оказался, как, впрочем, и всегда, недалек от истины. Набившиеся во все помещения взбудораженного «Мегаполиса» представители почти всех спецслужб ничего путного обнаружить не смогли, зато не оставили и тех следов, которые еще, возможно, могли бы пригодиться.

С минуты на минуту ожидали представителя американского посольства в Москве, так называемого офицера безопасности, чтобы в его присутствии допросить охранника, поскольку тот на вопросы отвечать отказывался, ссылаясь на незнание русского языка. Среди присут-

ствующих оказались представители не только ФСБ и различных президентских служб, как-то: охраны, правительственной связи и так далее, но и люди из МИДа, Минюста. Эти-то когда успели? Ничего нельзя понять. Ждали также и «важняка» из Генеральной прокуратуры, которому придется возглавить оперативно-следственную комплексную группу, в которую войдут... А черт его знает, кто будет настаивать еще на своем присутствии. Воистину не стая воронов слеталась... Надо же, как информация-то поставлена! А мы все канючим: того нет, этого!

Высказавшись примерно в этом духе, Грязнов дал указание посторонним очистить помещение. Генерал-полковник Наумов, неувовимо копирующий интонациями и жестами своего «величайшего» предшественника, ставшего в конце концов народным трибуном в Государственной думе, попробовал не слишком тактично заявить о своем праве, так сказать... Но Грязнов, и сам недавно надевший генеральские погоны, был непреклонен. Во-первых, он получил указание на этот счет лично от министра внутренних дел, а во-вторых, расследование дела находится целиком и полностью в его компетенции. А компетенция предполагает и соответствующую ответственность. И еще неизвестно, как оно дальше повернется. Весомый аргумент вроде бы убедил напористого охранника.

Общими усилиями смогли наконец начать работу. Судмедэксперт и врачи «скорой помощи» занялись трупами, криминалисты – оружием, обнаруженным на верхней полке шкафа для белья, куда его, по всей видимости, и сунул, уходя, убийца. Опыляли предметы в поисках отпечатков. Словом, занимались нудным, рутинным делом.

Охранник-американец сидел в одной из комнат апартаментов.

Присматриваясь к нему, Грязнов скорее чисто интуитивно понимал, что тот что-то знает, но... не торопится выдать следствию. Он же незнаком с российскими законами и не знает, что у нас можно на следствии говорить одно, а на суде полностью противоположное. Это не Америка, где, открыв рот, ты уже не сможешь закрыть его. Ну ничего, тут, в конце концов, можно и подождать немного.

Другое волновало Грязнова: кого пришлет Генпрокуратура. Хотелось бы, конечно, чтоб Сашку Турецкого, но о нем что-то в последнее время не слышно. Командировки, то да се. А то ведь дело может случиться громким, вот и пришлют кого-нибудь вроде начальника следственного управления Казанского, карьериста и вообще того еще хмыря, а с ним никакой каши не сварить, одна нервотрепка. Грязнов собрался уже позвонить заместителю генерального прокурора по следствию Константину Дмитриевичу Меркулову, но появились американские представители из посольства: офицер безопасности и советник посла, назвавшийся Саймоном Лайонсом, с которыми тут же уединился для решения каких-то дипломатических проблем чиновник российского МИДа.

А следствие, как таковое, тем временем топталось на месте. Нет, в общем-то каждый профессионально делал свое дело, однако не хватало, как говорится, основного стержня. Главного нерва, к которому от многочисленных нервных окончаний должны нести сигналы, выявляя конечную идею. Оформить и обосновать такую идею, чтобы максимально четко определить основные версии дальнейшего расследования, должен, естественно, специалист. За долгие годы работы в уголовном розыске Грязнов привык в наиболее трудных ситуациях видеть рядом с собой своего старого друга Александра Борисовича. Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре Российской Федерации – так он именовался полностью – Турецкий был таким вот неутомимым мотором, фонтанирующим идеями...

Отворилась дверь, и в комнату, представляющую собой некое подобие зала для приемов в этих обширных апартаментах, стремительно вошел Александр Борисович собственной персоной. Вид у него был слегка взъерошенный, как у недавно проснувшегося, но еще не полностью осознавшего это человека. Он вежливым, но властным жестом отстранил кинувшегося к нему охранника – из местных, гостиничных чекистов.

– Ну что у вас тут? – спросил так, будто имел весьма негативные представления о розыскных способностях присутствующих. И, как заговорщик, подмигнул Грязнову.

Вячеслав Иванович мысленно перекрестился.

Через несколько минут Турецкий был уже в курсе всего, то есть практически ничего, за исключением того малого, что лежало в настоящий момент на поверхности.

– Григорий Севастьянович, – обратился он к генералу Наумову, несколько обособленно устроившемуся у окна, не принимавшему участия в разговоре, но определенно озабоченному своими амбициями, – хочу попросить вас, как человека, представляющего высшие государственные сферы, – Турецкий поднял указательный палец к потолку, подразумевая Самого Господа Бога, либо, в крайнем уж случае, президента, – сообщить дипломатическим представителям двух дружественных государств, уединившихся для приватной беседы, что прибыл руководитель комплексной оперативно-следственной группы и намерен немедленно допросить свидетеля по делу об убийстве американца. Если нужен переводчик, мы его немедленно доставим. И еще, господа... – повернулся он к остальным представителям ведомств, удобно расположившимся в креслах. – Те из вас, чьи конкретные интересы в настоящий момент не связаны с данным делом, могут быть свободны. Зачем вам терять ваше драгоценное время на следственную рутину? Полагаю, что все заинтересованные ведомства и службы будут иметь полную информацию, которую сумеет получить следствие. Поэтому, если нет возражений, – он «гостеприимно» указал рукой на входную дверь, – милости прошу...

После короткой неловкой паузы несколько человек поднялись и, не теряя достоинства, удалились.

– А ты молоток, Турецкий! – неожиданно хмыкнул генерал Наумов. – Пойду выясню, чего они там, действительно, дурью маются.

Так он по-своему оценил секретную беседу дипломатических представителей.

– Ну а теперь, Слава, расскажи, что вы на самом деле успели тут выяснить, – сказал Турецкий, когда генерал вышел.

– Чего у тебя вид такой? – усмехнулся Грязнов.

– Это какой?

– Будто тебя из койки вытащили.

– А-а... – засмеялся Турецкий. – Ты угадал. Я дрых, как младенец, и, кажется, видел очень приятный сон. Но его прервал Костя, который, как, впрочем, и обычно, заявил, что я, мол, дрыхну, а мой лучший друг Вячеслав ломает башку над очередной неразрешимой задачей. Словом, даже не умывшись толком, я уселся в Костину «Волгу» и оказался здесь. Не знаю, к чему был сон, но на моей памяти покушались на президентов и премьеров, всяких там вице-премьеров мочили направо и налево, а вот с американскими консулами, по-моему, впервые. Или я ошибаюсь?

Грязнов пожал плечами и машинально взглянул на свои часы:

– Спать в пятом часу?..

– Ая, к твоему сведению, именно это время дня наиболее охотно отвожу для сна, – как отрезал Турецкий.

– Значит, память мне изменяет. – Грязнов пожал плечами, решив, что шутки друга становятся пресными и не заслуживают даже улыбки. – В конце концов, каждый может спать, когда хочет.

– Или когда начальство позволяет, – подхватил Турецкий. – Я ночью из Владивостока прилетел. Есть вопросы?

– А почему я не знал? Тоже, друг называется!

– Э-э... друг... – вздохнул Турецкий. – Как у Шекспира? Есть многое на свете, друг Гораций, о чем не снилось нашим мудрецам... Расскажу потом... Да, еще банкиры были, бан-

диты – тоже; а вот консулов все равно не припомню. Ну где там наш генерал? Он уже успел тебе попортить нервы?

– Да как сказать... – замялся Грязнов, не любивший вообще связываться с высокопоставленными чиновниками, какие бы функции те ни исполняли.

– Все ясно, – улыбнулся Турецкий. – Но у него одна слабость: он любит удаляться с высоко поднятой головой. Поможем не разочароваться. А что вы тут углядели?

– Имеется ряд косвенных улик. Но пока молчит американец-охранник, мы ничего не можем свести воедино. Во-первых, неизвестен убитый собеседник консула. Никаких при нем документов – кто, что, откуда? Никто, кстати, не обратил внимания, как он пришел сюда. На вид, как я уже говорил, лет тридцать. Может, с небольшим. Парень симпатичный. Был. Смерть последовала от выстрела в голову. Почти в упор. Аналогичная рана у американца. То есть я могу с уверенностью сказать, что киллер был высоким профессионалом. Ему не потребовался контрольный выстрел, бил точно, куда хотел. Вывод: либо близко знал обоих и поэтому мог подойти, чтобы произвести выстрелы практически в упор, либо... черт его знает. Пистолет – известный тебе, наш, родненький ПСС, то бишь бесшумный и беспламенный. Последняя модель. В магазине для шести патронов четыре не использованы. Номера, естественно, сбиты, но эксперты пообещали попробовать восстановить, может, узнаем, откуда уши торчат. Что еще? Ах да, как всегда, главное – в конце. На столе фрукты в вазе, кофейник с причиндалами и две бутылки минеральной – боржоми. Вода натуральная. Таковая имеется и в ресторане, и в буфете. Тоже и фрукты. Посуда местного происхождения. Но и тут может быть хвостик: ни в одной службе отеля этот заказ не зафиксирован. Вроде как чья-то самодеятельность. Соответственно возникает вопрос: каким образом и когда заказ появился в номере?

– На всех предметах, включая пистолет, наверняка никаких пальчиков? – поинтересовался небрежным тоном Турецкий.

– Верно угадал. И это означает, что покойнички даже не прикоснулись ни к фруктам, ни к воде, ни к кофе.

– Что в свою очередь может указывать на то, что они не успели этого сделать, ибо...

– Вот именно, – подхватил Грязнов, – убийцей мог оказаться официант или кто-то другой, доставивший заказ в номер. Но в таком случае его должен был видеть американский охранник. А он пока молчит.

– Или он сам? – наивно предположил Турецкий.

– Ну это было бы уж слишком, – поморщился Грязнов.

– И тем не менее... Значит, службу вы допросили? Обыск учинили?

– В общих чертах... Когда не знаешь, что искать... Во всяком случае, служба утверждает, что никого из посторонних замечено не было.

– Значит, еще одно подтверждение того, что здесь действовал высокий профессионал... Ну где там наш генерал? Кстати, ты не в курсе, чего это вдруг все службы всполошились?

– Событие! Неужели неясно?

– И только? А с местными чекистами поговорить тебе не удалось? Ведь если мы с тобой прямо сейчас возьмем «акулу» и пробежимся по апартаментам, наверняка зафиксируем не один «жучок». Я уж не говорю о более изощренной технике. Как же так получилось, что встреча, причем явно не афишируемая, такого лица, как американский консул, с каким-то никому не известным деятелем да не фиксировалась службами? Бред. И не для этой ли цели и прибыли сюда эти парни от Наумова и ФАПСИ? Причем раньше ФСБ и твоих сыщиков? Лично у меня на этот счет одно мнение: они тут для того, чтобы максимально скрыть все следы и по возможности затормозить расследование обстоятельств убийства. Вернее, двух убийств. Одно из них, к слову, может быть вынужденным: просто необходимо было убрать свидетеля. А вот кто выступал в какой роли, это нам и придется выяснять. Что известно о прибытии сюда американского консула?

– С ним оказалось проще. Фигура все-таки заметная. Он приехал, как ты знаешь, с одним охранником, поднялся сюда, в апартаменты. Охранник оставался за дверью в коридоре. Находясь там, он и вызвал дежурного администратора от горничной на этаже, чтобы открыли дверь номера собственным ключом. Она была, по словам администратора, закрыта – здесь замок типа английского, защелкивается. Итак, прибыл сюда господин Петри в районе двенадцати пополудни, точнее нельзя сказать. Он поднялся в апартаменты, объяснив, что здесь у него назначена встреча с неким важным лицом. Вообще-то этот номер снимает американский бизнесмен, как его... Джозеф ди Карпентер, который здесь бывает весьма редко. В настоящее время находится в Норильске. Причем уже вторую неделю, это проверено. Скорее всего, это помещение использовалось для такого вот рода встреч. Во всяком случае, администратор никакого удивления не высказал. А консул, заметил он, здесь довольно частый гость – они приятели с этим Карпентером.

– Давай, Слава, и на него обратим внимание. Чем черт не шутит. Но где же генерал? Что у них там за игры?.. Ну вот, слава богу.

– Охранник согласен дать показания, – без предисловия сообщил Наумов. – Переводчик не нужен, поскольку господин Лайонс, Львов по-нашему, прекрасно владеет русским, а Алексей Григорьевич Захаров, из МИДа, – английским. Если понадобится, они и будут переводить, по общему согласованию. А я вам, вероятно, уже и не нужен, – с улыбкой заметил он, – так что не будем терять время, тут вы, как всегда, абсолютно правы, Турецкий. Желаю здравствовать.

Этот бравый генерал, понял Александр Борисович, вероятно, уже выяснил для себя самое необходимое, а остальное ему, похоже, и не нужно. Но вот что того конкретно интересовало – это Турецкий хотел бы знать.

– А в самом деле, Славка, – спросил Турецкий, когда генерал вышел за дверь, – чего они тут все крутились? Или уже почуяла кошка, чье мясо съела?

– Честно, не знаю. Я и сам удивился, когда обнаружил здесь целую ораву из всех спецслужб. Консул, конечно, немалая величина, но и не такая, чтоб панику сеять. Я-то поначалу решил было, что самого посла приделали.

Столик с секретом

Бывший морской пехотинец Роберт Маклевски был профессиональным охранником, и его умение ценили в посольстве. Это могли с полным основанием отметить и офицер безопасности мистер Клейн, и господин Лайонс. Поэтому им и в голову не могло прийти, что охранник продал своего патрона. Это исключалось. Причину же происшедшей трагедии они скорее связали бы с происками спецслужб, вероятно в чем-то ущемленных в связи с успешно и перспективно развивающимися разнообразными политическими и экономическими связями двух, надо смотреть правде в глаза, по-прежнему великих держав. Хотя имеются и кое-какие нюансы в этом смысле.

Саймон Лайонс поинтересовался, говорит ли русский следователь по-английски, и улыбнулся, когда тот ответил, что исключительно в пределах школьной программы. Лайонс представлял себе, что это такое.

А вот Грязнов отвернулся, чтобы скрыть свою усмешку от американца: ну Сашка, ну артист!

Господина Лайонса устраивали эти сведения. Таким образом, он мог, не вызывая особых подозрений, все-таки при необходимости слегка откорректировать показания охранника. Ему ведь совсем не светили неожиданные факты, которые могли бы скомпрометировать деятельность американского посольства в Москве, если бы эта тупоголовая горилла – в отличие от своего бывшего теперь уже коллеги, Лайонс никогда не относился с почтением к морским пехотинцам вообще, – вдруг заявила, что консул прибыл сюда на конспиративную встречу с русским агентом. Только этого и не хватало оппозиционной прессе, когда, пусть и с немалым трудом, однако же налаживаются межгосударственные отношения. Лайонс был прагматиком и смотрел на вещи достаточно реально, во всяком случае, факты оценивал ровно во столько, сколько они на самом деле стоили. Мистер Клейн свою точку зрения не высказывал.

Однако перешли к конкретному делу. Грязновский оперативник с усердием принялся заполнять протокол допроса анкетными данными свидетеля. Турецкий задавал вопросы и со скучным выражением на лице «не слушал», как мидовец и американец уточняли те или иные нюансы и после этого обращались к охраннику, сидевшему в кресле с каменным выражением лица. Тот, в свою очередь, оценивал вопрос и коротко, почти бурча, отвечал. Следовал обратный дипломатический обмен и наконец перевод на русский. Длинно, утомительно, но – ничего не поделаешь. Во всякой рутине свой протокол.

В окончательном же виде допрос выглядел так:

Турецкий. В котором часу вы прибыли в гостиницу и с какой целью?

Маклевски. К двенадцати. Господин Петри хотел побеседовать с каким-то журналистом.

Турецкий. Вы покидали свой пост?

Маклевски. Нет.

Турецкий. Когда был обнаружен труп консула? Кем конкретно?

Маклевски. Около двух дня. В номере находилось два трупа. Первым их обнаружил администратор гостиницы. Не знаю его фамилии.

Турецкий. Каким образом он их обнаружил? По собственной инициативе зашел в номер и увидел?

Маклевски. Нет, администратора вызвал я.

Турецкий. Когда и почему?

Маклевски. Примерно через полтора часа после ухода официанта.

Турецкий. Какого официанта? Опишите, как он выглядел.

Когда охранник равнодушным голосом робота описал внешность официанта, Грязнов, выразительно переглянувшись с Турецким, стремительно вышел из комнаты, где шел допрос. Заместитель начальника МУРа Владимир Михайлович Яковлев с оперативниками в это время шерстил все без исключения гостиничные номера и служебные помещения, вызывая естественные возражения обитателей и персонала. Спасали настойчивые объяснения, что американских консулов не каждый день убивают в «Мегаполисе» и, следовательно, придется немного потерпеть некоторые неудобства, связанные с обысками.

Новые данные сразу дали направление для более узкого и целенаправленного поиска. Да, кто-то из obsługi видел похожего человека. На нем была форма официанта. Но заказ, о котором шла речь, ни из ресторана, ни из буфетов не поступал. Посуда действительно принадлежит ресторану, но как она попала наверх, никому неизвестно. В общем, действовал как бы святой дух, облаченный, однако, в служебную форму отеля.

Наконец обнаружилась и главная улика. В подвале под рестораном, куда опускается служебный лифт, был найден сервировочный столик и сверток – форменная куртка, брюки и галстук-бабочка. Охранник опознал все эти предметы. И в первую очередь, столик, который он, по его утверждению, тщательно осмотрел, прежде чем разрешить официанту доступ в апартаменты.

По его убеждению, преступник не мог на себе пронести в номер оружие, которое было позже найдено в бельеовом шкафу. Охранник предъявил личный металлоискатель, его тут же проверили – он действовал исправно.

Турецкий перевернул столик вверх тормашками, внимательно осмотрел нижние поверхности обеих полок, снова поставил столик на колеса и спросил:

– А вот здесь, внизу, между колесами, охранник проверял? – он показал пальцем под нижнюю полку.

Когда тому перевели, американец в буквальном смысле обалдел. Схватил столик, перевернул его и уставился на блестящие полоски прилепленного снизу скотча.

– Вот именно, – подтвердил Турецкий, забирая столик. – Только руками не надо трогать, кто знает, может, что-нибудь осталось. Слава, сделай одолжение, поинтересуйся у экспертов, не нашлось ли подобных следов и на том пистолете?

Грязнов, захватив столик, вышел в соседнее помещение.

– Пистолет, как я полагаю, – продолжил Турецкий, – был прилеплен скотчем. А так как расстояние между нижней поверхностью и полом очень маленькое, никому бы и в голову не пришло, что там может что-то находиться. Чтоб заглянуть туда, надо было лечь мордой... пардон, щекой на ковер в коридоре, а по нему ногами ходят, верно? Или снимать со столика всю мутату: вазы, кофейники, бутылки и прочее. Вот вам, господа, и логика убийцы. Вот и весь секрет. Осталось, по сути, немного: найти его и узнать, за что он порешил господина консула. А заодно и неизвестного нам господина журналиста, если верить охраннику. Такие дела. Если господину Маклевски больше нечего добавить, то я могу его ненадолго отпустить. До завтра, когда он нам опять понадобится. А на прощание я прошу перевести ему по возможности дословно: он не сумел выполнить свои профессиональные обязанности, что лично я не могу оставить без внимания. Полагаю, что вы, господин Лайонс, тоже сделаете соответствующие выводы. И вы, мистер Клейн.

Вернувшийся Грязнов лишь молча кивнул, а Турецкий развел руками.

– Не кажется ли вам это странным, особенно после той весьма лестной характеристики, которую дали охраннику Маклевски господа Лайонс и Клейн?

– Что вы имеете в виду, господин следователь? – вскинулся советник посла. Охранник молчал, тупо глядя в пол. Какие мысли в данный момент обуревали его, не знал никто, но догадаться можно было.

– Я имею в виду то обстоятельство, что ваш охранник не проверяет, был ли сделан заказ кем-то из ведущих переговоры, осуществляет весьма поверхностный осмотр и, наконец, впускает в закрытое помещение человека с оружием, опять-таки не проверяя, чем это вторжение закончилось. Это, на мой взгляд, не просто халатность. Это пахнет вполне преступной беспечностью. Если не соучастием в преступлении.

Турецкий сейчас сознательно нагнетал страсти, а то как-то уж чересчур спокойно вел себя этот американский представитель. Хотя, с другой стороны, как высокопоставленному дипломату ему тоже не пристало изображать аффектацию и публично рвать на себе волосы.

– Другими словами, вы хотите сказать... – едва не взвился наконец американец.

– Только одно, – невежливо перебил его Турецкий, – мы можем теперь с определенной долей достоверности представить себе технологию убийства. А также то, что непрофессионализм господина Маклевски стал одним из поводов его совершения. О причинах говорить еще рано. Если же у вас или у ваших коллег, господин Лайонс, найдутся какие-либо факты, способные помочь следствию, да и себе самим, раскрыть причины преступления, прошу вас, абсолютно не стесняясь во времени, сообщить их мне по одному из указанных здесь телефонов. Я к вашим услугам круглосуточно.

И Турецкий элегантно жестом протянул Саймону Лайонсу красиво отпечатанную, лакированную визитную карточку.

– Я бы хотел, в свою очередь, – вмешался Грязнов, – просить вас, уважаемые господа, дать нам возможность составить фоторобот преступника. Для этого потребуется помощь господина Маклевски. Это, кстати, можно было бы сделать и сегодня, но... как на это посмотрит сам господин Маклевски? Судя по его состоянию, ему было бы неплохо прийти в себя и сосредоточиться.

Полагая, что Турецкий действительно плохо понимает английский, американский дипломат, сохраняя любезное выражение на лице, в довольно резкой форме сказал охраннику, что его разгильдяйство – во всяком случае, именно так перевел для себя, конечно, куда более грубое выражение Турецкий, но, естественно, не подал вида – будет предметом отдельного разговора в... он понимает где, но сейчас необходимо помочь русским как можно скорее завершить расследование этой громкой истории. Поэтому охраннику предлагается немедленно убрать с физиономии маску идиота и сделать то, что от него требуется.

Словно бы вспомнив о присутствии русского дипломата, американец, продолжая изображать вежливую улыбку, объяснил всем по-русски, что ему, конечно, неприятно говорить об этом, но, в конце концов, что возьмешь с тупой гориллы? Эмоции – не по их части. Этим он как бы оправдывал несообразительность своего сотрудника. Соучастие в преступлении – при всех сомнительных аспектах подобного обвинения – все равно звучит очень скверно. Этак еще кому-нибудь придет в голову, а затем и, не дай бог, просочится в прессу мысль о том, что заговор против консула вызрел в недрах самого посольства! Странно, что до сих пор нет никаких сведений об этих проклятых папарацци, о вездесущих журналистах, повсюду сующих свои провокаторские носы. Правду говорят, что русские долго думают и... запрягают. В Штатах этот чертов «Мегаполис» уже обложили бы толпы газетчиков и фотокорреспондентов, сбегавшихся со всей Америки...

Высказанная в несколько шутливой форме, приемлемой, во всяком случае, для данной ситуации, фраза американца вызвала скептическую усмешку Грязнова.

– Я сейчас выходил к своим сотрудникам, и мне доложили, что гостиница в буквальном смысле окружена представителями прессы. Так что на этот счет можно не беспокоиться и заранее продумать ответы, которые в любом случае придется дать журналистам. Но при этом желательно не раскрывать сути того, о чем здесь шла речь. А что касается охранника, то, если он не возражает, с ним могли бы поработать специалисты-криминалисты и с его помощью составить

фоторобот предполагаемого преступника. Но для этого ему придется, в вашем сопровождении или без, проехать на Петровку, 38, это неподалеку, можно сказать, совсем рядом.

Саймон Лайонс подумал и сказал, что представитель посольства вряд ли понадобится, а что касается переводчика... Ему очень не хотелось участвовать во всем дальнейшем. Грязнов это сразу усек и заявил, что с переводчиком проблем не будет. А после работы господина Маклевски доставят в посольство.

Американский дипломат стал сама любезность. Уже не спрашивая согласия охранника, а лишь приказав ему следовать на «легендарную Петровку, 38», он заявил, прощаясь, что русским правоохранительным органам в целях торжества правосудия будет оказана со стороны американского посольства и, разумеется, правительства Соединенных Штатов любая необходимая помощь.

Все понимали, что это было сказано, конечно, сильно, но так того, вероятно, требовал момент. С тем и расстались. Русский дипломат и американцы покинули апартаменты, Грязнов отправился их проводить и распорядиться относительно охранника. Турецкий остался один, мысленно переваривая все, что удалось накопать. Немного, но кое-что уже имелось. О чем он и доложил Константину Дмитриевичу Меркулову, позвонив ему по мобильному телефону на работу.

Информация для прессы

– Ну, есть какие-нибудь неординарные соображения? – спросил он Грязнова, когда тот вернулся в номер и грузно, даже с некоторой одышкой, рухнул в кресло напротив.

– Не нравятся мне все эти суки, – с грубой прямоотой отозвался Вячеслав. – Ты ж заметил, что они темнят? Ведь знают что-то, а молчат. Ну ничего, я их сейчас там в такой зверинец кинул, что в чем-нибудь уж наверняка проколются. Завтра в газетах посмотрим. А этот мистер Клейн явно был недоволен, что мы охранника одного в МУР отправили. И чего-то шепотом, я заметил, выговаривал советнику.

– Это как раз неплохо, что мы его одного отправили. Не знаю, на сколько он туп и насколько вообще бездарны американские охранники, но проверить этот дурацкий поддон и мне наверняка не пришлось бы в голову. Это мы тут перед ними умников изображали. А по правде говоря, если охранник с убийцей были в сговоре, тому не было бы никакой нужды так прятать оружие... А у наших там что?

– Трупы увезли на вскрытие. Пули извлекут, идентифицируют. А пистолетик-то – заметил? – между прочим, наш, спецназовский. Я еще приказал, Саня, сфотографировать этого неизвестного, ну так, чтобы можно было все-таки не выставлять его в виде трупа, и размножить в средствах массовой информации: мол, разыскиваются те, кто с ним знаком, требуется информация, обращаться по телефону и так далее. Если он в самом деле журналист, коллеги обязательно отзовутся. Странно только, что при нем абсолютно никаких документов. Так люди просто не ходят! Словно его специально обчистили...

– Не исключаю, – помолчав, заметил Турецкий.

– А зачем?

– А чтоб ты как можно дольше себе голову ломал над этой дурью. Убийца же тем временем успеет оторваться так далеко, что мы его никогда не догоним. Скажешь, бред?

– Ну почему? Выявив связь американского консула с этим неизвестным, мы можем, пусть и не без труда, вычислить убийцу. Или заказчика. А через него выйти на киллера. Хотя первый вариант вероятнее.

– Все ты правильно говоришь, Славка... А что там со зверинцем?

– А я ребятам из ФСБ высказал слезную просьбу оказать посильную помощь. Там оказался Владлен Богаткин из контрразведки со своими деятелями, помнишь его?

– Ах этот... – без всякого почтения к серьезной конторе отозвался Турецкий. Конечно, он знал полковника Богаткина, но никогда не испытывал к нему особых симпатий. – И чем же обосновал?

– Я говорю, ты пообещай этим тиграм и акулам, что завтра ваша пресс-служба выдаст им информацию по максимуму. Что дело это настолько серьезное и сенсационное, что любая недоброкачественная информация обязательно повредит следствию. Он спросил у меня только одно: это очередная моя туфта или в самом деле? Я сказал: в самом деле. Имея в виду, естественно, не факты убийства, а информацию.

– Артист ты, Славка, – засмеялся Турецкий. – Какую информацию они получают? Все уже всем известно!

– Не важно, – стоял на своем Грязнов. – Они умеют изображать на лицах такую значительность и многоумие, что в их устах даже жвачка сойдет за новье. Зато нам эта пишущая братия мешать не будет. Слушай, если у тебя здесь больше нет дел, предлагаю рвануть ко мне. Я тут Володю Яковлева оставляю с ребятами заканчивать, так что можешь не волноваться.

– А я и не волнуюсь... когда такие люди в стране советской есть... – пропел неожиданно Турецкий. – Едем. – И, уже спускаясь лифтом в подвал, где был обнаружен злополучный сер-

виновочный столик с официантской формой, уже отправленные на Петровку на экспертизу, спросил – А за что ты не любишь дипломатов?

– За что их любить? Все чего-то делают. А эти – только языками треплют. И врут. И нам всем и друг дружке... Я тут как-то Горького взял с полки. Неужели, думаю, и в самом деле такой плохой, каким его стараются нынче критики изобразить? Не, ну серьезно! Или я чего не понимаю, подзабыл? Открыл чего полегче. Сказку нашел. И прямо в точку попал. Жили, в общем, народы по две стороны реки и постоянно ссорились, нападали друг на друга, воевали. А всякие там дипломаты чего-то шурудили. И до того докатились, что вроде уже и воевать-то нечем стало, и народы извели себя почти до точки. Я длинно рассказываю, а там все, конечно, короче. Словом, плюнули они однажды на всякие уговоры и договоры, утопили в той реке дипломатов и сели промеж собой прибыль-убытки считать.

– Все? – спросил Турецкий, когда Грязнов замолчал.

– А чего тебе еще? По-моему, тут и так больше сказано, чем нужно. И я с пролетарским писателем полностью согласен. Ты заметил, как они друг перед другом протокол свой блюли? Консула замочили, а эти выясняют, мать их, в каком, понимаешь, ключе беседу вести!

– Так ты, значит, сечешь по-английски? – неожиданно догадался Турецкий.

– Не очень, конечно, не как ты, к примеру, где уж нам! Однако, чтоб понять, мне достаточно. По секрету, это я Дениску заставил! – самодовольно улыбнулся Грязнов. – Чего ты, говорю, делаешь?! Сам в эти, в полиглоты, стремишься, а дядька родной с иностранцем ни бэ ни мэ! Стыдно: генералу и чтоб двух слов не связать! Осознал. Стал меня малость натаскивать. Так что ты теперь нос не особо задирай, мы и сами с усами!

– Славка! – искренне восхитился Турецкий. – Если б не ты мне это говорил, ни за что бы не поверил! Вот что с человеком погоня-то творят! Я считаю, по этому поводу просто необходимо!..

– А чего бы я тебя к себе в МУР тащил?.. С Костей-то разговаривал? Он в курсе?

– Наше дело телячье: доложил – и жуй себе травку. А он сказал, что и по его личным каналам тоже пока никакой ясности. Не исключено, что из Штатов может кто-нибудь пожаловать. Вроде госсекретаря. Ну и значит – то, другое, ответственность! Не мог тому же Казанскому повесить это дело! Ему как раз – перед гостями задницей вертеть, представительство-вать! А я не умею. И не люблю.

Грязнов промолчал, не афишируя своих мыслей на этот счет. И потом, он по духу был работягой. А это значит – врагом показухи. Конечно, нелегкое выпало дело, а где они – легкие? И раз вынужден его делать, приходится напрягаться.

Единственное, на чем он готов был настаивать, вопреки, возможно, общественному мнению, это:

– А дипломатов все равно надо топить!

Они выбрались в колодцеобразный двор гостиницы, где среди служебных машин, необходимых гостинице и ресторану техники и оборудования, упакованных в ящики, контейнеры и бочки, находился грязновский «форд» с мигалками.

– Как здесь насчет выхода? – поинтересовался Турецкий.

– У ворот есть пост. Говорят, все проверяют.

– Тебя тоже проверяли, когда въезжал сюда?

– Да ты что! – удивился Грязнов.

Как раз перед ними в воротах остановился фургон. К водителю подошел охранник в камуфляже. Водитель протянул ему какой-то лист, наверное путевку. Тот быстро пробежал глазами, что-то сказал и махнул рукой второму охраннику, который в это время открывал ворота.

– Ну вот тебе и точный ответ, – ухмыльнулся Грязнов. Охранник нагнулся к открытому окошку, увидел генеральский погон Вячеслава Ивановича и с небрежной почтительностью отдал честь, кинув ладонь к форменному кепи.

– Много машин сегодня выезжало со двора? – Турецкий подозвал его к своему окну.

Охранник подошел, посмотрел подозрительно, но, уловив разрешающий кивок Грязнова, отрапортовал:

– Учета мы, конечно, не вели, но подозрительного ничего не заметили. Также и незнакомых не было.

– Спасибо, – кивнул и Турецкий. А когда машина тронулась, сказал Грязнову: – Нельзя исключать, что это мог быть кто-то из своих. Из obsługi. Но выбирался он несомненно тут, иначе не было смысла тащить тот катафалк на колесиках в подвал. И форму свою бросать.

– Вообще-то, – отозвался Вячеслав, – можно проверить по путевкам. Примерно с двенадцати до часу, скажем. Кто выезжал, куда, зачем. Дай-ка мне трубку, – сказал он водителю и стал набирать номер, по которому сейчас должен был находиться его заместитель полковник Яковлев.

Высказав Владимиру Михайловичу свои соображения, Грязнов повернулся к Турецкому:

– Тут у тебя, Саня, противоречие.

– Какое? В чем?

– Если свой – зачем форму бросать? По ней же вычислить можно.

– Я вообще, а не о данном конкретном случае. В форме во двор он выйти не мог. Тем более – на машине отбыть.

Это в том случае, если все обстояло так, как мы думаем. Но я не исключаю, что форма могла быть и украдена.

– Это ребята тоже выясняют... Но почему американцы не бьют во все колокола? Этого не понимаю!

– Может, они и бьют, да мы пока не слышим, – задумчиво ответил Турецкий.

Первые звонки

Колокола, оказывается, уже звонили...

Утром, когда Александр Борисович, повесив пиджак на спинку стула, открыв настежь окно и нещадно дымя сигаретой – что происходило всегда, когда требовалось заниматься бумажной волокитой, – сочинял постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, изложенным в статье 105 УК РФ, ему позвонил Грязнов:

– Саня, прилетела первая ласточка.

Во «Времени», в вечерней программе «Дорожного патруля» и ночной «Дежурной части», то есть в передачах, которые, как правило, смотрит большинство москвичей, была продемонстрирована в качестве неопознанной жертвы фотография покойника из отеля. Текст прилагался нейтральный: погиб при не выясненных пока обстоятельствах. Опознавших просят позвонить по таким-то телефонам. Дежурный в МУРе зафиксировал два телефонных звонка, касавшихся этого неизвестного.

– А почему ты считаешь, что эти передачи наиболее популярны у телезрителей? – с сомнением спросил Турецкий, предпочитавший по роду своей как бы второй профессии всякому телевидению газетную информацию.

– Просто факт, – лаконично ответил Грязнов. – И минимум комментариев. Устали люди от болтовни. Ну так вот, первый звонок последовал от журналиста, заместителя редактора газеты «События и люди» Рэма Зотова. Он был явно взволнован и сообщил, что на фото сразу узнал своего товарища и коллегу по газетной работе Вадима Кокорина. Тот был накануне вечером в редакции и намекнул Рэму, что у него должна состояться чрезвычайно любопытная встреча по тому делу, о котором Рэму известно. И все. Но что это за дело, Зотов не сказал. Это, говорит, только при личной встрече со следователем. Он оставил свои координаты. Вторым звонок последовал из Питера. Там тоже смотрят «Время». Звонок зафиксирован в двадцать два ноль-ноль. После передачи. Женщина не представилась, но сказала, что, если она не ошибается, на фотографии изображен Вадим Кокорин, московский журналист. После чего звонившая положила трубку. Определитель телефонных номеров показал, что данный номер принадлежит Невской Елизавете Евдокимовне, соответственно выяснили и адрес. В общем, проверили – она является главным редактором журнала «Санкт-Петербург». Слышал о таком?

– Нет.

– Вот и я тоже. Однако есть!

Турецкий неожиданно расхохотался. Грязнов даже опешил, с чего бы?

– Понимаешь, – стал оправдываться Турецкий, – ты мне напомнил гениальный анекдот о логике старшины. Он объясняет молодому солдатику, что траектория – это невидимая линия, по которой движется пуля, снаряд, а тот, дурак, не понимает: как это – невидимая. Ладно, и старшина приводит весомый аргумент: ты комара знаешь? Тот отвечает, что знает, конечно. А член ты у него видел? Нет, говорит солдатик. И вот тут главный аргумент: а ведь есть!

Грязнов тоже рассмеялся. Он слышал этот анекдот, но забыл его.

– А служба у тебя, Славка, поставлена! – сделал Турецкий приятное другу. – Раз-два – и вычислили.

– Так чего тут думать-то? Она ж не из автомата звонила, как те, кто хотят сохранить свое инкогнито. Значит, умная и все сама понимает. А что не представилась, так тому могут быть сотни причин. Может, плакала дамочка...

– Все может быть, Славка... А ты заметил, что ни одна газета не сообщила об этом американце? Это значит, что наш с тобой коллега и «сосед» Владик Богаткин сумел вчера взять ситуацию в свои руки и наверняка ждет от тебя соответствующего поощрения в виде какой-нибудь стоящей информации. Американцы пока тоже молчат.

– Ага, я только в трех молодежках прочел аналогичную информацию: в «Мегаполисе» убит неизвестный. Ведется расследование. Держим оборону?

– Пока – да. Что предпринял с этим Зотовым?

– Пригласил его к двенадцати к себе. Ты, начальник, думай: сюда подскочить или, может, мы с ним к вам, в Генеральную, пожалуем?

– Ты его на опознание отправь.

– Спасибо, учитель! А ты что думал? Я на слово верить не привык. Скорей всего, сам с ним и подскочу в морг, хоть отродясь к этому заведению никакой симпатии не испытывал...

– Ну да, – в тон ему продолжил Турецкий, – снова как в анекдоте: был, говорит, нынче на кладбище – ну никакого удовольствия не получил!.. Что-то тебя, Славка, с утра в афористику потянуло!

– Ага, а тебя в анекдоты. Нет, я к тому, что после посещения подобных заведений у нормального человека что-то смещается в мозгах и он начинает рассуждать о бренности жизни, то есть фонтанировать правдой, а не привычно «лепить горбатого». Особенно ваш брат журналист.

Не удержался генерал от легонького укола! И тут же получил сдачи.

– Это все так, – печально констатировал Турецкий. – Ты, главное, сам – под влиянием, впечатлением – не расколился перед свидетелем. Другими словами, как заметил один советский философ, не вноси в дело преждевременную ясность. На бобах останешься!

– Ты за кого меня держишь?! – почти взревел уязвленный Грязнов.

– Да нет, – философски изрек Турецкий, – я просто имел в виду вовсе не морг, а нашу вчерашнюю посиделку...

Посидели хорошо, но врезали еще лучше, не касаясь рутинных дел, убийств всяких там, а так – за жизнь поговорили, некоторым образом Славкины погоны сбрызнули, на чем настоял Костя Меркулов, ибо не мог оставить своих друзей-безобразников наедине, а приказал явиться после конца рабочего дня в прокуратуру, под свое крыло. Тут он, по его убеждению, мог отвечать за их дальнейшее поведение...

Грязнов уже набирал полную грудь воздуха, чтоб на едином дыхании выдать нахалу «важняку» все, что он, генерал, думает о некоторых следаках-алкоголиках, но Турецкий решил прекратить пикировку.

– Славочка, друг мой сердешный, ты ведь наверняка послал уже кого-нибудь из своих в газету, чтоб они там пошуровали и собрали все, что известно про этого Кокорина?

– Нет! – воскликнул Грязнов и добавил почему-то с еврейским акцентом: – Он еще сомневается, а! Как вам это понравится!.. Ты лучше ответь: дело возбудил?

– Ну а как же! Вот как раз сию – сочиняю.

– Правильно. А ты говоришь, нет стоящей информации для Владьки. Вот к примеру: «Генеральная прокуратура Российской Федерации возбудила уголовное дело об убийстве американского консула тра-та-та и российского журналиста тю-тю-тю, совершенном вчера в центральной московской гостинице высшего класса „Мегаполис“. Убийство носит заказной характер». И пусть докажут обратное. А мелочи антуража наши бравые чекисты и сами легко нафантазируют. Кстати, тот же Владька может нам еще пригодиться, мало ли...

– Все, Вячеслав Иванович, – с грустью констатировал Турецкий, – вы, мой друг, рассуждаете уже как генерал. Пока были полковником, вот как я, как тот же Богаткин, мыслили более конкретно. Ну, до встречи.

И положил трубку, не дав Славке возразить. Это он так отомстил Грязнову за его измену их общей идее никчемности самого существования госбезопасности во всех ее ипостасях. Идея давняя, основанная на личном опыте обоих, а опыт, известно, праматерь всего сущего...

Диссидентская история

Грязнов с Зотовым появились в Генпрокуратуре в обеденное время, когда Турецкий собирался спуститься в буфет. Во рту после вчерашнего ощущалась какая-то сухость. Да и еда с утра в горло не лезла. Несмотря на уговоры Ирины Генриховны, дражайшей супруги, принявшей в последнее время следить за здоровьем мужа. А то носится он, высунув язык, по всяким там Америкам, домой же только дырки на теле привозит. Может, уже и родина ему не нравится, и семья – туда же!..

В руках у Грязнова было два пакета – пухлый и плоский. Пухлый он сразу устроил в углу, на столике, объяснив, что эти пирожки с капустой и яйцами со Столешникова, а значит, за качество можно не бояться. Даже Костя Меркулов – уж на что гурман – и тот никогда не брезговал столешниковской продукцией. Своим подношением Вячеслав как бы намекал, что с утра тоже чувствует себя не совсем комфортно. И одновременно извинялся за вторжение в обеденное время.

Из второго пакета он достал большую фотографию узколицего человека с удлинённой челюстью и немного снулыми глазами. Фоторобот, понял Турецкий, вчерашнего киллера. Точнее, официанта. Ведь он выступал именно в этом обличье. Вячеслав добавил также, что копии его сыскари уже повезли в «Мегаполис», чтобы предъявить местной службе, охране и вообще показать народу: может, кто опознает. Одновременно копии разосланы в отделы милиции аэропортов, железнодорожных вокзалов и автостанций, а также патрульным постам дорожного движения. Хотя киллер уже мог покинуть пределы и города, и страны. Сведения будут поступать в МУР, ну и, естественно, сюда, к Турецкому, у которого Грязнов надеялся пробыть некоторое время. А теперь, если других вопросов нет, можно приглашать Рэма Зотова, которого Слава предусмотрительно оставил в приемной. Заодно попросить бы секретаршу организовать чаек или кофе, по усмотрению масс, поскольку даже столешниковские пирожки всухомятку пойдут туго.

Турецкий более чем прозрачный намек немедленно понял и сказал, что свидетель может еще минутку подождать в приемной, ничего не случится теперь. Ведь он опознал труп?

– Еще как опознал! – бросил Грязнов, с некоторым вожделием поглядывая на внушительный сейф Турецкого.

– Ну пусть еще немного посидит, придет в себя, – разрешил хозяин кабинета, позвякивая ключами.

Многого и не потребовалось: подумаешь, какие-то полстаканчика коньячку под еще не остывший пирожок с хрусткой корочкой, и в рядах прокуратуры и милиции установились снова мир и полное взаимопонимание.

– А теперь, господин генерал, присаживайтесь, – сказал Турецкий, вытирая пальцы черновиком и бросая его в мусорную корзину, – а я приглашу господина журналиста. Не к лицу генералу исполнять должность курьера. Сам позову свидетеля. Как он?

– Жалко было смотреть. Во всяком случае, вел себя, как мне показалось, искренно.

– Посидишь здесь – буду рад, если дела – решай, как тебе лучше.

– У нас с ним разговор был достаточно приблизительным. Поэтому, чтоб не читать потом протоколы, я лучше послушаю.

– Ты знаешь, Славка, я тут проанализировал все добытое нами, покрутил туда-сюда и, сопоставив должность этого нашего Кокорина с газетой, Зотовым и вообще странностью ситуации, при которой на ноги были поставлены практически все спецслужбы, причем по высшему разряду, почему-то подумал, что именно Зотов может нам с тобой дать в руки ниточку от этого клубка.

– Кстати, сморчка нашего зовут Рэм Васильевич, обязательно с отчеством, это, по-видимому, комплекс. Под протокол пойдем?

– Да неохота демонстрацию трудящихся устраивать, лишние люди – лишняя скованность.

– Давай я буду записывать, – предложил Грязнов.

– Генерал, на такие жертвы я не готов, лучше этим помогай, – Турецкий постучал себя по лбу согнутым указательным пальцем, чем пролил целую бочку еля на грешную душу Вячеслава Ивановича – уж это Александр Борисович знал досконально...

И тем не менее, зайдя в приемную, где дожидался вызова к следователю Рэм Васильевич Зотов, Турецкий не мог не восхититься абсолютной точностью Славкиного глаза. Свидетель был просто поразительно похож на очень известный у специалистов-микологов, в смысле – ученых, любящих грибы, и гурманов – сморчок. Но не в переносном смысле, то есть нечто мелкое и ничтожное, недостойное внимания, этакое гадкое и уж во всяком случае невкусное, а в самом что ни на есть прямом. Турецкий, благодаря благородным проискам жены изредка выбиравшийся на родную природу, видел этот пресловутый гриб не только в весенних базарных рядах. Встречал его и в родной среде – на едва зеленых мокрых полянах, где это, очень даже волнующее взгляд создание природы выглядит весьма и весьма.

Так вот, Рэм Зотов, интуитивно поднявшийся при появлении Турецкого, очень напомнил этот гриб. Высокий, худой, чуть сутулый, со смешной рыжеватой гривой волос и скорбным выражением бледного лица, он являл собой, скажем так, литературный образ сморчка. Ну Славка!

Восхитившись поразительной наблюдательностью друга, Александр Борисович до изысканности вежливо пригласил Рэма Васильевича уделить ему немного своего драгоценного времени, поскольку, будучи в душе, а также частично и на практике тоже журналистом, следователь знал, чего стоят газете и вообще творчеству эти выброшенные из жизни минуты, а заодно елеинным тоном, сильно смутившим секретаршу, попросил угостить их... «Чай? Кофе?.. Пожалуйста, по чашечке хорошего кофе!» Хотя прекрасно знал, что у секретарши есть лишь железная банка черной растворимой пыли, именуемой «Кофе Пеле» и к нормальному кофе никакого отношения не имеющей. Но ведь суть в том, как подать!

Первый тактический ход был сделан верно: свидетель сумел проникнуться определенным чувством к коллеге. Тем более – внештатному сотруднику весьма уважаемой «Новой России». Известным Зотову оказался и журналистский псевдоним Александра Борисовича – Б. Александров, под которым публиковались некие аналитические статьи на правовую тематику. В общем, что говорить – свои люди кругом. Сладкий и действительно черный кофе. Теплые пирожки с капустой и яйцами, про которые, помнится, рассказывал такой смешной анекдот покойный ныне Юрий Владимирович Никулин... Да, увы, покойный... Ну а что же Вадим Игоревич Кокорин? О нем-то что известно?

Коллеги – оно конечно коллеги, но, к сожалению, требуется соблюдать и некоторые формальности. В частности, протокол допроса свидетеля. Это просто звучит не очень приятно, а по сути – фиксация существа беседы.

Итак, фамилия, имя, отчество?.. Год и место рождения?..

И рассказал Рэм, на которого после кофе с пирожками перестали действовать отрицательные флюиды, исходящие от генеральского мундира Грязнова, следующую историю. Ну в тех, конечно, параметрах, в которых она была известна заместителю главного редактора и хорошему – не другу, нет, – скорее приятелю покойного журналиста, довольно способного парня тридцати двух лет от роду, Вадима Кокорина.

Протокол допроса мало напоминает по форме изложения исповедь человека. Разные задачи, разные и формы выражения мысли. Но суть остается той же, только более конкретизированной и в чем-то обобщенной...

Отец Вадима, Игорь Владимирович Красновский, был долгое время «засекреченным» человеком, входившим в известную группу ядерщиков, шедших по стопам великого Сахарова. Причем и в прямом, и в переносном смысле. Игорь Владимирович, как и другие его коллеги-физики, был несомненно талантлив в своем деле и участвовал довольно успешно в некоторых закрытых разработках, связанных с продукцией, выпускаемой Министерством так называемого среднего машиностроения. Проще говоря, с атомной промышленностью. И вместе с этим Красновский в начале семидесятых годов за свое вольномыслие и вообще неприемлемые мятежные идеи а-ля Сахаров получил от властей предержащих позорную кличку диссидента, а чуть позже и вообще врага советской власти, трудового народа и лично товарища Л. И. Брежнева, хотя в ту пору генсек, вероятно, о нем и слыхом не слыхивал.

Короче, вольнолюбивые высказывания физика привели его в пермские лагеря, где он овладел наконец полной, как шутили в то время, свободой сновидений. А также заимел натуральную возможность оплатить на лесоповале все затраты, произведенные государством на его воспитание и обучение ремеслу физика-ядерщика.

Случилось это в семидесятые годы, в начале – дату можно будет уточнить позже, истребовав дело в архивах бывшего КГБ. На воле у физика остались жена и шестилетний сын Вадик, ходивший в детский сад. До тех пор, разумеется, пока папа работал в своем институте. Затем лафа кончилась. Безработная мама встала перед выбором: либо изображать из себя декабристку, что не давало ей никаких привилегий, либо подать на развод и снова выйти замуж, чтобы обеспечить маленькому сыну минимум необходимого. Победил, как говорится, трезвый расчет, то есть второй вариант.

Все эти западные вопли о политических заключенных в Советском Союзе, об удущении подлинной свободы и несчастных диссидентах основную массу населения, не говоря уже о его политическом руководстве, не колыхали. Тем более что спутники советские летали, покоряя околоземное пространство, полигоны сотрясались от ядерных взрывов всевозрастающих мощностей, а до Афгана, подействовавшего на психику народов страны, было еще далеко. Бывали, конечно, неприятности международного порядка, но и их научились гасить специально на то натащенные службы.

Так, в конце семидесятых – это тоже легко уточняется – благодаря или в связи с предательством одного из советских резидентов в Штатах был задержан, судим и посажен в тюрьму советский разведчик. Не Рудольф Абель, конечно, но персона тем не менее важная. Требовалось найти возможность возвратить его на родину. А противные америкашки, которые не могли придумать ничего умнее, предложили обменять полковника и орденосца на храброго диссидента, томящегося в Пермской области по такому-то почтовому адресу.

Словом, долго ли, коротко ли, но обмен состоялся. И был он мало похож на известное кино про «мертвый сезон». Полковника встретили коллеги по опасной профессии в Москве, а поганого диссидента – частный Конструктивный институт «Российское общество», имеющий место быть в городе Нью-Йорке. Первый – из тюрьмы на свободу, а второй – из лагеря в эмигрантскую тусовку, готовившую как раз в ту пору так называемые Сахаровские слушания в американском конгрессе в Вашингтоне.

Вот, собственно, и вся предыстория.

Далее события развивались так. Мальчик Вадим вырос, при вручении ему паспорта взял, естественно, фамилию матери – Кокориной, не мог он носить фамилию выдворенного из Советского Союза какого-то эмигранта Красновского. Закончил школу, затем журфак МГУ, работал на телевидении, в газетах, много ездил по стране, бывал и за рубежом, правда, уже после начала перестройки. Впрочем, до перестройки ему и нечего было делать в заграничных краях, мал еще. К тридцати годам, поднакопив журналистский опыт, устроился на работу в «События и люди» – газету, в чем-то даже солидную и уважаемую. Показал себя человеком вдумчивым, ответственным, что видно из характеристики, подписанной редактором этого еже-

недельного издания, которую в числе других справок и документов Александру Борисовичу подвезут грязновские оперативники с минуты на минуту.

Видимо, в каждом человеке есть определенная тяга к своим корням, к истории рода, к собственному прошлому. Но это чаще всего приходит с возрастом, когда появляются мысли о бренности существования и грустные выводы по поводу необходимости скорого подведения итогов. Что-то меняется в человеке, и из оптимиста он вдруг почему-то становится пессимистом, недовольным собой становится, все более задумываясь о замечательных «бесцельно прожитых» и так далее.

У Вадима некий пересмотр жизненных позиций начался после встречи с одним из прошлых соратников отца. Тоже физика, и тоже диссидента, только более осторожного и потому избежавшего горькой участи сахаровцев. Он-то и рассказал Вадиму то, что знал об Игоре Владимировиче. И оказалось, что отец был не так уж и плох. Да и на шпану американцы почему-то пойманных советских полковников не меняли. Тут было о чем задуматься. Вадим и задумался. Стал собирать сведения об отце, о его окружении. Ходил в спецслужбы, владеющие закрытыми архивами, где получил формальный отлуп, и наконец понял, что чужими подачками сыт не будешь, надо брать дело в собственные руки.

А время летело стремительно. И происходило в стране то, о чем никто даже и помыслить не мог прежде. Ну, к примеру, в Москве собирались конгрессы уж вовсе антисоветской, прямо-таки вражеской организации «Народно-трудовой союз» и других подобных, внесших, по их убеждениям, немалый взнос в общую борьбу с коммунизмом, с советской властью и разваливших в конце концов державного монстра – СССР. Да еще недавно этакое и во сне боялись себе представить! А вот – надо ж – все наяву! Но самое для Вадима интересное заключалось в том, что приезжающие на родину эмигранты из разных стран, но, главным образом, из Штатов, с большим уважением говорили ему об Игоре Владимировиче, а узнав, что молодой журналист является, ко всему прочему, и сыном Красновского, носящим в силу известных обстоятельств материнскую фамилию, немедленно высказывали самое искреннее уважение и сочувствие ввиду безвременной гибели отца. Точно не мог сказать никто, но, по слухам, убитого какой-то негритянской бандой в ночном поезде нью-йоркского сабвея. Конечно, можно уточнить в ФБР, которое, кажется, вплотную занималось, помимо полиции, делом об этом убийстве, но для этого надо ехать в Штаты...

И однажды у Вадима появилась такая возможность.

Двухнедельная командировка в Штаты, конечно, не бог весть какой срок, и серьезного поиска за это время не провести, – в таком плане высказывал свое суждение Зотов, а Турецкий с Грязновым лишь похмыкивали и иронически переглядывались: у них бывали сроки и пожестче. Однако Вадим сумел кое-что там все-таки наскрести. С помощью, как говорится, добрых людей отыскал какие-то документы, касающиеся деятельности отца, естественно, прояснил для себя и главный свой интерес, ради которого был послан в Нью-Йорк и что было конкретной целью командировки, то есть подобрал необходимые для обзорной статьи материалы об институте «Российское общество». Одним словом, провел время, как он сам объявил, возвратившись в Москву, с большой пользой для газеты и для себя лично.

Следующим этапом стало для Вадима написание статьи. Точнее, он предложил даже целый цикл статей, где были бы размышления о нашей новейшей истории, так или иначе навеянной биографией отца, сведения о последней волне российской эмиграции на Запад и в Штаты, трудами своими и помыслами подготовившей демократические изменения, преобразования в России и других республиках СССР. Интересно смотрелись бы в этих очерках разделы, касавшиеся сути взаимоотношений, складывавшихся внутри эмигрантской среды, весьма неоднородной по своему составу. Там ведь тоже были довольно глубокие противоречия, и об этом тоже следовало рассказать читателям. Короче, Вадим планировал представить редакции своеобразный дневник своего путешествия на Запад и в прошлое своей страны.

Примерный план цикла публикаций был обсужден на редколлегии и в общих чертах утвержден. Собирая дополнительные материалы, Вадим выезжал в другие служебные командировки, в частности в знаменитый Арзамас, где некоторое время работал его отец, в Питер, куда вели следы, точнее, судьбы отдельных его героев, в Нижний Новгород, связанный с известным сахаровским периодом в биографии российского диссидентства. То есть в некотором роде, если можно так выразиться, он шел, как бы сверяясь с записями в отцовском дневнике.

Да, тут надо сказать, что Вадиму в Нью-Йорке здорово повезло. Ему удалось отыскать, как он рассказывал, одну семейную пару, у которой оказался дневник Игоря Красновского и кое-какие весьма важные документы, напрямую касавшиеся ну, скажем так, не совсем приглядной деятельности отдельных представителей эмиграции.

Дело в том, что среда, как уже отметил в своем рассказе Рэм Зотов, действительно была весьма неоднородна. Ибо она представляла значительный интерес как для американских, так, разумеется, и для российских спецслужб. И по осторожным замечаниям того же Вадима, основанным, надо понимать, на сведениях, почерпнутых в дневнике, и документах отца, являлась в каком-то смысле полигоном борьбы влияний тех и других. Шпионские страсти, говорил, бледно улыбаясь, Зотов, это ведь тоже один из весомых аргументов для привлечения читательского внимания.

Грязнов с Турецким снова переглянулись, подумав об одном и том же: уж не эти ли «шпионские страсти» и явились как раз причиной событий в «Мегаполисе»? А что, нет ничего опаснее вторжения в святая святых какого-нибудь настырного дурака! Хотя, если судить по рассказу Зотова, Вадима Кокорина дураком никак не назовешь. Ну пусть не дурака, пусть постороннего, который в силу своей незашоренности может обратить внимание именно на то, на что его обращать никак не следует. Тут уже есть материал для раздумий. Однако судить обо всем этом можно будет лишь после ознакомления с теми материалами, о которых шла речь. Проще говоря, следствию необходимо было представить дневник Красновского, если таковой действительно имелся, компрометирующие материалы, ну и все остальное, чем располагал, приступая к своей работе, покойный журналист. Где все это можно найти?

Было заметно, что Зотов не горел желанием немедленно прийти на помощь следствию, он полагал, что той информации, которой он поделился с правоохранительными органами, вполне достаточно, чтобы в дальнейшем его оставили в покое. Все равно теперь уже нельзя было рассчитывать на какую-либо компенсацию тех затрат, что были произведены в связи с организацией поездки Вадима Кокорина в Соединенные Штаты и прочие географические точки, не говоря уже о тех моральных издержках, которые понесет солидное издание, успевшее рекламировать будущий цикл материалов своего корреспондента.

Что ж, его можно было понять. И, сообразив, что большего из нечаянного свидетеля не выдавишь, Александр Борисович с легкой душой подписал ему пропуск на выход из Генеральной прокуратуры, условившись в случае необходимости снова воспользоваться его помощью. Бледный «сморчок» пообещал сделать все, что от него будет зависеть. Но, к великому сожалению, практически никаких материалов в редакции Кокорин не держал. Значит, если что и имелось, то только дома. Адрес известен, а представители редакции, в том числе и сам Зотов, готовы, если потребуется, быть понятыми при осмотре архива Кокорина и помочь следственным работникам разобраться в его материалах.

Теперь требовались быстрые и решительные действия. Тем более что ситуация складывалась, как мог предположить Турецкий, совсем не в пользу следствия.

Мать Кокорина, по словам Зотова, проживала со своим супругом где-то в Петербурге. Но тот, второй звонок, что был зафиксирован дежурным МУРа, вряд ли имел к ней отношение. Хотя кто знает! В Москве же у Вадима была собственная «однокомнатная берлога», где, как сказал Зотов, иногда собирались журналистские компании. Впрочем, сам Вадим никогда не отличался особым гостеприимством, поэтому «компания» было скорее условным обозна-

чением двух-трех газетных волков, чьи интересы в данный момент совпадали. Вывод из этого следовал простой: Кокорин не был компанейским человеком, а значит, перечень его знакомых не отличался широтой. Это в какой-то степени облегчало задачу, но говорило также и о том, что у журналиста могли иметься такие связи, о которых даже и не догадывались его коллеги. Что – хуже. Однако начинать приходилось от печки. То есть мчаться по указанному Зотовым адресу.

И тут наконец Слава высказал небезосновательную мысль:

– Если нас с тобой, Саня, уже не опередили.

К сожалению, он мог оказаться прав...

Пустое дело

Ехать пришлось далеко, аж в самое Бутово, на улицу романтического писателя Грина, где в огромном современном многоквартирном улье покойный журналист занимал самую маленькую ячейку. Хотя в прежних – хрущобах – случались и меньшие. Увеличивала квартиру приличная кухня, превращавшаяся в силу тех или иных привязанностей хозяина во вторую комнату. Но все это было обнаружено тогда, когда с помощью участкового и сотрудницы местной эксплуатационной конторы, а также двух испуганных соседей Кокорина Славкины специалисты в два счета вскрыли довольно сложную систему запоров на двери. Первым в открывшееся жилье вошел эксперт-криминалист, чтобы, осмотревшись, дать добро остальным. Но когда он вернулся на лестничную площадку и многозначительно посмотрел в глаза Турецкому, Александр Борисович, кажется, понял причину испуга соседей.

Да, не далее как вчера вечером они слышали подозрительную возню на лестничной площадке. Муж Раисы Тимофеевны – Зиновий Наумович – выглянул в дверной глазок, а он у них оборудован круглой такой крышечкой, чтобы свет из прихожей не был замечен с лестничной площадки; так вот, он посмотрел и поскорее тихо отошел от двери, потому что напротив, как раз возле квартиры Вадима Игоревича, возился с замком, как показалось, довольно-таки молодой человек, одетый в темный плащ, а другой, примерно такой же, стоял рядом и держал открытой дверь на лестничную площадку, там, где лифт. Зиновий Наумович немного подождал, прислушался, но за дверью было уже тихо. Тогда он снова посмотрел в глазок, никого не увидел, вышел, как будто бы чтоб спуститься к почтовым ящикам и взять «Вечернюю Москву», но уже ни одной живой души не обнаружил. Ни на площадке, ни внизу. Ну конечно, они с супругой обсудили эту ситуацию. Хотели даже в милицию сообщить, а потом подумали: ну хорошо, и что они скажут по телефону? Были люди? А что они делали? Они же не ломали дверь, не лезли в квартиру, они, наверное, вышли уж оттуда. А если вышли, тогда кого искать? И где? Но вот теперь снова приехала милиция, и они оба могут наконец рассказать. Как выглядели эти люди? А никак. Конечно, если бы специально знать, можно было бы разглядеть их и получше, но ведь же и лампочка такая, что даже показания собственного электросчетчика надо со свечкой рассматривать. И во-от с такой лупой!.. Так, значит, Вадим Игоревич погиб?! Какой ужас! В общем, с соседями, с этими понятиями, было все ясно. А в квартире действительно побывали чужие люди. Бардак был тот еще! Так, во всякой случае, охарактеризовал увиденное Зиновий Наумович.

Ему довелось заходить к Вадиму Игоревичу, и он отметил, какой аккуратный был этот молодой человек. У него всегда был тщательный порядок: и в комнате, где стоит диван и много книжных полок, и на кухне, где было его настоящее рабочее место – возле дорогого, наверное, компьютера. И уж у Вадима Игоревича никогда не валялись на полу бумаги или книги.

О чем это говорило? Прежде всего о том, что здесь побывали чужие люди, которым был по фигуре педантизм хозяина. Но вот нашли ли они то, что искали, – это вопрос. Ну программу-то из компьютера они наверняка выгребли и все дискеты забрали с собой. По всему было видно, что они торопились. Повсюду были видны следы слишком торопливого обыска.

Впрочем, можно было бы и так поставить вопрос: если некие заинтересованные лица знали, что им требовалось, они наверняка это нашли и унесли с собой. Или не нашли вовсе. Тогда они, естественно, продолжают свой поиск. И нельзя исключить, что пути Александра Борисовича со товарищи пересекутся с путями их поисков. И это следовало иметь в виду. А вывод? Он таков, что господин журналист влез-таки в опасное дело. Или влип, что теперь, накануне его похорон, одно и то же...

Тщательный обыск, который провела в квартире, никуда не торопясь и примерно уже зная, что может представлять интерес для следствия, команда Турецкого, практически ничего

не дал. Перелистали буквально каждую книжку, перерыли и пересмотрели немногочисленные бумаги в ящиках письменного стола и в папках с газетными вырезками. Видимо, молодой журналист держал все необходимые документы в компьютерной памяти, на многочисленных дискетах, от которых после налета «грабителей» остались пустые ящики-кассеты. И было их, судя по количеству кассет, немало.

Компьютерщик из Турецкого был, прямо надо сказать, тот еще! Ну еще отыскать там нужный файл, открыть его, прочитать, то есть в пределах подготовительного класса общеобразовательной школы с компьютерным уклоном, это он мог. Правда, тоже с определенными сложностями. Уже и возраст, и воспитание, и некоторая интеллигентская боязнь непонятной техники – все, вместе взятое, склоняло его в пользу обыкновенной пишущей машинки. Оно и проще, и как-то привычнее. Вставил лист, вынул лист, исправил, дал секретарше перепечатать – чего, кажется, проще! Однако новое время требовало и новых знаний.

Вот и теперь, будь обычная ситуация, Александр Борисович сел бы за клавиатуру и постарался бы посмотреть, что осталось после грабителей в памяти кокоринского компьютера. Но благоразумный Грязнов остановил его, заметив, что «машинка» эта, похоже, из нового поколения и лезть туда с копытом даже «важняка» он бы лично воздержался. Для этого есть более крупные специалисты. Такой, естественно, нашелся в его команде. Молодой человек, один из тех, что вскрывали дверь этой квартиры, извинившись, сел перед компьютером, включил его, быстро пробежал пальцами по клавиатуре, а затем, отключив аппарат, неизвестно откуда взявшейся отверткой ловко снял крышку системного блока. Поглядел, покачал головой и сказал:

– Они вынули жесткий диск, – после чего поставил крышку на место.

– Что это значит? – на всякий случай спросил Турецкий, хотя уже примерно представил себе, о чем шла речь. – Всю информацию, что ли, выкачали?

– Просто изъяли, – кивнул спец. – А без него эта штука, как новорожденное дитя, ничего не знает и ничего не умеет.

– А как же насчет генетики? – печально пошутил Турецкий.

– Ожидайте в следующем поколении, – почти серьезно ответил молодой человек. – А в этом вам уже никто не поможет. Они, конечно, могли переписать с жесткого диска всю имеющуюся на нем информацию. Но не сделали этого, поскольку, как я понимаю, не имели времени. Тем более если знали, что вы идете за ними по пятам.

– Значит, восстановить ничего нельзя?

– Не-а, – мотнул головой большой Славкин специалист. – Конечно, если поймаете этих деятелей и найдете у них либо диск, либо дискеты, тогда...

– Саня, – Грязнов отозвал Турецкого в сторону, – я так понимаю, что больше нам тут делать нечего. Давай не будем терять время.

– Что ты предлагаешь?

– Воспользоваться пока вторым телефоном.

– Питерским? Туда не звонить надо, а ехать. Поэтому, Слава, мы поступим следующим образом. Я сейчас поеду в родную контору и оформлю командировку в Петербург, а тебя попрошу воспользоваться, так сказать, любезностью нашего «сморчка», обещавшего свою помощь. Вот пусть он приедет сюда и поможет твоим ребятам еще раз просмотреть все самым внимательнейшим образом. Любой намек на те темы, которые мы обсуждали с ним, в данной ситуации может оказаться бесценным.

– Это ты мне говоришь? – улыбнулся Грязнов.

– Скорее себе самому. А вообще, я тебе скажу, Славка, я до сих пор не знаю, на кого грешить. Это ж явно не какие-нибудь международные террористы. И не криминальная среда. Значит?

– Я тоже подумывал, что тут может иметь свой интерес Владькина контора. Тем более – ты заметил? – они с ходу продемонстрировали бурную деятельность и мгновенно утихли. Как бы притаились и ждут, какие шаги мы сделаем.

– Ну все-таки так нагло убрать американского консула – я думаю, это для них слишком. Кокорин же – мелочь, не стоящая внимания.

– Не скажи, иначе зачем бы им было потрошить его компьютер!

– Тоже есть логика. Тогда я поехал, а ты действуй.

Когда Турецкий вышел, Грязнов сел к телефону:

– Рэм Васильевич? Очень хорошо, что вы оказались на месте. Узнали голос?

– Да, – недовольно проскрипел «сморчок». – Не далее как...

– Вот именно, – перебил Грязнов, – как говорится, и часу не прошло, как нам потребовалась ваша в высшей степени квалифицированная помощь. Помнится, вы обещали не отказывать нам в этой малости.

– Да, но...

– Я нахожусь в настоящий момент на квартире вашего друга. И было бы очень неплохо, если бы вы сюда подъехали. Могу я рассчитывать? Или, может, лучше прислать за вами машину?

Намек был более чем прозрачен: будешь мекать, силком доставим.

– Неплохо бы, а то с транспортом у нас некоторая напряженка.

– Вы на Мясницкой?

– Да... во дворе...

– Я знаю, сейчас дам команду.

Грязнов положил трубку и попросил одного из оперативников спуститься во двор и отправить водителя микроавтобуса в редакцию. Он черкнул на клочке бумаги адрес и фамилию человека, которого нужно там забрать и привезти сюда.

Затем вернулся к своим сотрудникам – они продолжали просматривать записи в блокнотах, тетрадках, на отдельных листках и даже в корзине для бумаг, где были одни обрывки. Муторная работа. Просмотрены и простуканы были все книжные полки и стены – на предмет возможного обнаружения какого-нибудь тайника, где хозяин квартиры мог хранить опасные документы. Однако самый тщательный обыск никаких видимых результатов не дал. В общем, пустое дело.

Должно быть, журналист вообще не держал дома никаких документов, необходимых ему в работе. Но тогда где они – эти дневники отца и его собственный, где компромат на эмигрантских лидеров, обозначенных в каких-то совершенно конкретных документах? Вариантов, по идее, могло быть три: либо все это уже унесли с собой те, кто опередил следствие, и тогда можно сказать, что концы потеряны; либо Кокорин ничего не держал у себя дома, понимая, какую опасность подобные материалы могут представлять для того, кто ими владеет, и те мужички в темных плащах остались с носом. В таком случае необходимо тщательно просеивать окружение журналиста в поисках того человека, которому доверился бы Вадим. И наконец, третье: Кокорин мог внести сведения в компьютер, а оригиналы спрятать в тайном месте. И те двое, включив «Пентиум» Вадима, обнаружили необходимое, выгребли подчистую и, не найдя этих оригиналов, ограничились быстрым и грубым обыском. А вот нашли что-нибудь или нет, тоже неизвестно. Оставалось лишь надеяться, что Кокорин действительно сознавал опасность и не держал оригиналы дома.

Вообще-то на этот вопрос мог бы ответить Зотов, но тот предпочитал «не знать». А в принципе, чтобы оценить степень «опасности» данных материалов, следовало бы для начала разобраться, каких конкретно лиц и организаций они касаются. Это ведь пока общие слова – полигон для шпионской деятельности американских и российских спецслужб. Этак и весь мир можно сюда пристегнуть, любую сферу, где сталкиваются жизненные – экономические и

политические интересы двух сверхдержав. Будь это не так, на кой черт нужны дорогостоящие разведки! Да и дипломатов убивать какой смысл? И тем не менее...

Пока Грязнов томился в ожидании приезда Зотова, наблюдая за действиями своих людей и все более убеждаясь, что тут, кажется, действительно пустышка, позвонил водитель микроавтобуса и разочарованным голосом сообщил, что прокатился совершенно зря: этот Зотов, по словам его сослуживцев, давно уехал. Сказал секретарю главного редактора, что снова вынужден давать какие-то показания в связи со смертью Вадима, что за ним прислали машину и он уезжает и сегодня уже вряд ли вернется.

Похищение

Рэм Зотов, будучи потомственным интеллигентом, дед и прадед которого сеяли разумное, доброе, вечное, а отец интересовался исключительно биоорганической химией гормонов, токсинов, антибиотиков, антитоксинов, за что был удостоен государственных почестей, не испытывал приязни ни к правоохранным, ни тем более к карательным органам. И хотя в роду Зотовых за последнее столетие никто не испытал на себе давления со стороны властей предрасполагающих, негативно-скептическое отношение к их представителям, будь то полицейский пристав или участковый уполномоченный, являлось таким же врожденным и естественным, как свежая газета к утреннему чаю деда либо фортепьянные экзерсисы матери после шестичасового обеда-ужина.

Рэм, конечно, понимал, что его показания в связи с нелепой гибелью Вадима Кокорина, возможно, окажут какую-то помощь следователям, больше, кажется, озабоченным смертью американца, нежели соотечественника, но все равно чувствовал он себя очень неудобно. Гораздо интереснее, да и полезнее, на его взгляд, было заниматься обличением вопиющих нарушений законности все теми же органами на протяжении восьмидесятилетней истории Отечества.

Смерть Вадима подействовала на него, но не до такой степени, чтобы немедленно бежать на исповедь к милиционеру, даже если у него генеральские погоны. Ни о какой исповеди вообще речи быть не могло. Есть профессиональная этика, и то, о чем говорил или думал Вадим, это его личное дело, дело его совести. Ну а раз судьбой было предназначено ему уйти из жизни, значит, так тому и быть. С другой стороны, если бы карта легла иначе и Вадиму удалось рассказать со страниц еженедельника о той паучьей схватке, которая разгорелась в рядах славной российской эмиграции за овладение умами соотечественников в угнетенной большевиками, демократами, олигархами и автократами несчастной России, мог бы получиться отличный «гвоздь». Увы, значит, кому-то такая идея показалась опасной. И по логике вещей этот кто-то находится рядом, возможно, на расстоянии протянутой руки. Не исключено, что и среди тех, кто так интересуется теперь причиной гибели журналиста.

В жизни своей ни разу не пострадавший от так называемых спецслужб, Зотов заранее их ненавидел, будучи убежденным, что между ним и ими нет и никогда не может быть ничего общего.

Поэтому на допросе в Генеральной прокуратуре, несмотря на различные «подходы» следователя, представившегося чуть ли не соратником по перу, Рэм вел себя предельно осторожно. Если дело, которым занялся Кокорин, оказалось действительно смертельно опасным, то к чему переваливать часть груза покойного на плечи тех, кто был с ним просто знаком?

Вот и ответы Зотова на вопросы следователя были по-журналистски профессионально обтекаемыми. Он не называл имен, ведь они и сами могли всплыть по ходу следствия, зато таким образом сохранялась определенная независимость Рэма. И совесть его не мучила: он ведь никого не обманывал, и никто не требовал от него делать далеко идущие выводы.

В общем, когда следователь подписал ему пропуск на выход из здания прокуратуры, Зотов вздохнул облегченно и пожелал себе более не посещать это здание в жизни.

Новый звонок милицейского генерала, предложившего Рэму принять участие в обыске, так надо понимать, квартиры Вадима, резко испортил настроение. Он помнил, конечно, о своем обещании помочь следствию, но ведь это же была пустая формальность! Сколько раз на дню, желая отвязаться от неприятного собеседника, а хуже того – просителя, мы даем подобные обещания, зная заранее, что в следующий раз черта лысого нас сыщут! Ну сказал Рэм, и что с того? Но прозвучавшая в словах генерала откровенная угроза доставить под конвоем –

во всяком случае, именно это почудилось Зотову – заставила его немедленно согласиться. Не хватало еще, чтоб за ним милиционера прислали, позору не оберешься!

Когда из проходной издательства, под крышей которого разместилось несколько газет и журналов, раздался телефонный звонок и прибывший сообщил, что машина, присланная генералом Грязновым, ожидает у подъезда, при всех своих неприятиях Рэм ощутил чувство некоторого удовлетворения: самолюбие его не только не пострадало, но, напротив, было даже несколько поощрено. Генерал прислал свою машину, просит его подъехать и помочь как профессионала.

Не без показной скромности сообщив об этом Мариванне, секретарше главного, Рэм Зотов забрал свой кейс, ибо возвращаться на службу больше сегодня не имел охоты, и легко сбежал по лестнице на проходную, где его ожидал порученец генерала, как он представился по телефону.

У подъезда стояла черная «Волга», возле нее курил молодой человек в длиннополом модном плаще. Увидев Рэма, он немедленно затоптал окурок и приветливо протянул руку.

– Воробьев, МУР, – сказал он и, вынув из внутреннего кармана красное с золотом удостоверение, ловко, одной рукой открыл его, показал Рэму свою фотографию и тут же захлопнул корочки. В самом деле, не читать же: кто, что, в каком звании, по какой срок удостоверение действительно.

Этот Воробьев открыл заднюю дверцу машины и вполне почтительно пригласил Зотова садиться. Сам сел следом, и машина тронулась.

Рядом с водителем сидел человек средних лет в серой кепке. Он повернулся к Рэму и, не протягивая руки, лишь хмуро кивнул.

– Поедем по Варшавке? – выказывая свое знание московской топографии, спросил Рэм, хотя отродясь не водил машину.

– Да, – помедлив, подтвердил кивком сидящий впереди.

За всю дорогу не было произнесено практически ни одного слова. Только когда водитель «Волги» неожиданно свернул с Большой Тульской к Загородному шоссе, Рэм обеспокоенно заметил, что они, кажется, едут несколько в сторону, на что сейчас же отреагировал передний:

– Так ближе.

Нельзя сказать, что Зотов успокоился, он и волновался-то несильно, ибо не было к тому никакого повода. Просто сама акция участия в обыске, где всегда может найтись такое, что не доставит удовольствия, не говоря уже о возможных огорчениях, не радовала его. Рэм настолько углубился в свои мысли, что даже не обратил внимания, как машина, поплутав по переулкам, неожиданно въехала в какой-то двор, подкатила к самому подъезду и остановилась. Зотов непонимающе стал оглядываться, но затемненные стекла «Волги» в этом сумрачном от деревьев, узком каком-то дворе не позволяли сориентироваться.

Сидящий впереди обернулся к Рэму, и от его неприятного, пронизывающего взгляда Зотову стало нехорошо.

– Слушайте меня внимательно, – низким, грубоватым голосом сказал этот тип. – И не рыпайтесь без команды! – Это уже прозвучало угрозой, и Рэм несколько осел, и руку убрал с дверной ручки. – Сейчас вы спокойно выйдете из машины и, ни слова не говоря, войдете в этот подъезд. Мы покажем, куда надо идти дальше. Шаг вправо, шаг влево – вам это известно как журналисту?

– Да, – едва не проблеял от нелепо навалившегося страха Рэм, – считается побегом...

– Вот именно! – неизвестно чему обрадовавшись, хмыкнул хмурый тип. – Если будете вести себя благоразумно, с вами ничего не случится. Спокойно отвезем домой. И подскажем, о чем вы потом доложите вашему Грязнову. Понятно?

– Понятно, – покорно согласился Рэм. – Но...

– Никаких «но»!

Воробьев, сидевший рядом с Зотовым, вышел из машины, обошел ее и открыл дверцу «Волги». Пока Рэм выкарабкивался, рядом с ним уже оказался хмурый тип, поддержал его под локоть и слегка подтолкнул к открытой двери подъезда. Молча поднялись на последний, пятый этаж, дверь квартиры распахнулась без звонка. В темной прихожей Рэму предложили снять плащ и пройти в комнату.

Обычная московская квартира со стандартной мебелью и несколькими книжными полками. Рэм бросил на книги профессиональный взгляд и понял, что интересы хозяина по этим книжным корешкам не определить – случайный набор.

Из соседней комнаты вышел пожилой человек с короткой седой шевелюрой, взглянул на Рэма, издал непонятный звук губами и быстрым движением руки показал на низкое кресло. Сам сел в такое же напротив. Рэм послушно опустился и поставил у ног свой кейс.

– Вы не догадываетесь, Рэм Васильевич, с кем имеете дело? – спросил седой глуховатым голосом.

Рэм пожал плечами.

– Судя по тому, что вы в курсе нашей договоренности с генералом Грязновым о моей помощи при осмотре квартиры Кокорина, думаю, что вы действуете вместе с милицией. Я ошибаюсь?

– Нет. Мы на самом деле действуем вместе. В рамках одного дела. И задачи тоже в чем-то совпадают. И ему, как вы поняли, и нам нужна ваша помощь. Вот для этой цели я и попросил привезти вас сюда. Но, как вы, вероятно, догадываетесь, разговор должен остаться сугубо между нами.

– Я понял. Я согласен. – Рэм сейчас готов был согласиться на любые условия, лишь бы покинуть этот дом, как говорится, в добром здравии.

– Очень хорошо. Но нам нужны определенные гарантии.

– В каком смысле? – не понял Зотов. – Разве это я должен вам давать гарантии, а не наоборот?

– Гарантии бывают взаимными, когда они обоюдны, – туманно ответил седой. – Я имел возможность ознакомиться с вашими журналистскими работами, могу представить себе круг ваших творческих интересов, ту тематику, к которой склоняется ваше весьма способное, разоблачительное перо. Естествен был интерес и к той части общества, в которой вы вращаетесь, – к вашим родным и знакомым. И должен заметить, что ваша творческая искренность, в чем-то определенная смелость, честность нам импонируют. Просто иногда бывает немного даже обидно, когда человек, словно слепой котенок, тычется в разные стороны в поисках пути к истине, когда дверь, вот она, рядом, и широко открыта. Вы понимаете меня?

– Не совсем, – честно сказал Рэм. Не нравилась ему вся эта история, уж больно откровенно напоминающая вербовку в агенты КГБ. Так, как ее обычно показывают в фильмах и романах последнего времени.

– Понимаете... – без всякой улыбки возразил седой. – Дураком надо быть, чтоб ничего не понять. А вы считаете себя очень проницательным человеком и уже решили, что я вас вербую как тайного агента. Разве не так?

– Очень похоже, – согласился Рэм. – Только не пойму, зачем я нужен специальным службам? Какая от меня может быть польза?

– А вот это уже более конкретный разговор. Мы к нему подойдем. Пока же я хотел бы, с вашего разрешения, продолжить свою мысль. Так вот, некоторые ваши коллеги жалуются, что служба безопасности не дает им нужной информации, держит свои архивы закрытыми, мешает, так сказать, поиску истины и, естественно, торжеству справедливости. В этом есть немалая доля правды. Мы и в самом деле не всем и не всякому имеем возможность, а иной раз и желание давать информацию. Потому что вам, конечно, известно изречение о том, что владеющий информацией владеет миром. И мне нет необходимости рассказывать вам мно-

гочисленные истории, приводить исторические примеры, когда важная информация, попав в нечистые руки, наносила иной раз поистине непоправимый ущерб государству. Известно вам также, что ради получения информации подобного рода работают во всем мире сотни, тысячи спецслужб. Миллионы профессионалов! Зачем я вам это говорю? А затем, чтоб вы знали: ваш коллега Вадим Кокорин, в силу разного рода обстоятельств, стал носителем именно такой, закрытой, опасной информации, которая могла, будучи обнародованной, нанести определенный моральный, а возможно, и физический урон государству. Мы не будем сейчас вдаваться в тонкости конкретной проблемы, но остановимся лишь на одной частности. Господин Кокорин был нами предупрежден, что среди документов, которыми его снабдили представители российской эмиграции в Штатах, имеются сведения, не подлежащие оглашению. Однако он не внял предупреждению, не пожелал встретиться для выяснения отдельных обстоятельств, и в результате вы сами знаете, как печально все окончилось. Не торопитесь, – остановил седой уже готовое сорваться с уст Зотова обвинение в адрес органов безопасности. – Я вам с полной ответственностью заявляю, что к убийству вашего коллеги мы никакого отношения не имеем. И сами заинтересованы найти убийц или убийцу. Хотя для того, чтобы понять, откуда подул ветер, большого напряжения не нужно.

– А зачем вы мне все это рассказываете? Да еще в таком таинственном антураже, вероятно, здесь у вас явочная квартира, да?

– Не старайтесь казаться более наивным, чем следует, – спокойно ответил седой. – Мы нечасто ведем подобные беседы. Но если уж ведем, то должны быть уверены, что информация падает на подготовленную почву.

– Значит, вы считаете, что я уже подготовлен для... ну для каких-то ваших целей?

– Естественно. Больше того, активно помогая следствию отыскать документы, спрятанные вашим бывшим другом, вы будете постоянно информировать нас о ходе этой работы. Вы станете самым заинтересованным лицом в этом поиске. С тем чтобы мы могли в решающий момент первыми изъять эту информацию, понимаете?

– А если я скажу «нет»?

– Вы же умный человек. И вас вовсе не привлекает судьба Кокорина. Он не только не внял серьезному предупреждению, но, как нам стало известно, попробовал поторговаться. И вот результат. А чтоб у нас не оставалось сомнений в вашей преданности нашему общему делу, вы сейчас прочтете и подпишете этот документик.

Седой обернулся к небольшому журнальному столику за своей спиной и подвинул его, поставив между собой и Рэмом. На столике лежал листок бумаги с напечатанным текстом и авторучка. Жестом предложил Зотову ознакомиться.

«Классика!» – усмехнулся про себя Рэм и взял в руки листок.

Это была подписка о сотрудничестве. И текст был незамысловатым.

«Я, Зотов Рэм Васильевич, 1966 года рождения, москвич, исходя из высших интересов государственной безопасности Российской Федерации, добровольно соглашаюсь работать на органы Федеральной службы безопасности и выполнять личные инструкции полковника ФСБ Круглова Б. Н. Мне разъяснено, что в случае разглашения государственной тайны и сокрытия сведений, имеющих государственное значение, я могу быть привлечен к уголовной ответственности. Для связи выбираю себе псевдоним Поэт».

– Прочли? Поставьте свой автограф и сегодняшнее число.

– Выбора, значит, у меня нет?

– Полагаю, что нет. Как не должно возникнуть и мысли о том, что наш с вами разговор может быть кому-то пересказан. Это только очень глупые люди думают: вот дайте только выйти, а там уж я вам покажу... Для связи с вами у нас будет такой пароль. Вы, естественно, читали Достоевского?

– Да... в общем... – растерянно пробормотал Зотов.

– Вот и отлично. Подойдет человек и передаст вам привет от Порфирия Петровича. Устраивает?

– Да, – почему-то кивнул Зотов, хотя все в нем протестовало и кипело. Но от собеседника исходил какой-то неприятный холод. Как в морге, где с утра был вынужден побывать Рэм.

– Прекрасно, зовут меня Борис Николаевич, пусть это вас не смущает. Подписывайте, подписывайте! Вот так, все правильно, – добавил он, складывая листок пополам и пряча его в карман. – В этом, – он ткнул себя пальцем в то место, где лежала подписка, – практически нет особого смысла. Кроме одного. Вы же знаете, как презирают у нас так называемых стукачей. Но они обретают это имя лишь после разоблачения. А до того все эти люди, в большинстве своем весьма и весьма уважаемые, известные в обществе, честно и верно служат ему не за страх, а именно за совесть. Понимаете? Прежние жестокие времена, к счастью, прошли, закончились, канули в небытие. И слава богу! А вы, кстати, подумайте на досуге и составьте мне примерный список тех материалов, которые вам необходимы в вашей журналистской работе. Если среди них будут закрытые, мы посмотрим, что можно сделать, чтобы, так сказать, приоткрыть завесу, понимаете?

– Плата за страх... – с иронией заметил Зотов.

– Я не заметил, чтобы вы чего-то испугались. Страх, как вы сказали, может появиться лишь в одном случае: если вам вдруг захочется рассказать кому-нибудь о нашем разговоре. Ну а теперь, я полагаю, мы можем обсудить с вами, Рэм Васильевич, обстоятельства, при которых вам удалось убежать от тех неизвестных, которые, по вашему мнению, хотели вас похитить... Надо, чтобы ваш рассказ генералу Грязнову выглядел максимально правдиво. Что мы чуть позже и сделаем.

Ключи от квартиры

Водитель микроавтобуса сообщил Грязнову малоутешительные сведения.

Провожатого, прибывшего за Рэмом Васильевичем в редакцию еженедельника, никто толком не видел. Он позвонил снизу, из проходной, где у дверей висит внутренний телефон. Даже вахтерша не обратила внимания: тут же весь день толкутся, звонят кому-то, кого-то упрасивают, уговаривают, печалятся, и кто с чем – с жалобами, письмами... А машина? Да не видела она никакой машины! Окна в другую сторону выходят. И никто из редакции тоже не видел. А Рэм просто вышел, огляделся, кивнул вахтерше, спросил, кто за ним приехал, и вышел за дверь. Больше не возвращался.

Сведения эти были насколько скудными, настолько и огорчительными. До такой степени, что Вячеслав Иванович распорядился немедленно отыскать домашний адрес Зотова и послать туда оперативников. Он почти не сомневался, что журналиста похитили. Зачем? А причину мог объяснить прежде всего тот факт, что разговор между Грязновым и Зотовым кем-то прослушивался. Только вот зачем? А затем, стало быть, чтобы с его помощью опередить возможные действия того же Грязнова и отыскать отсутствующие документы.

Хотелось надеяться, что документы до сих пор не найдены. Кем? Такой вопрос даже и не ставился, тут, к сожалению, все ясно. Стрелка поиска указывала все время в одну сторону, в ту, где расположена контора, которая все меньше приязни вызывала у Вячеслава Ивановича.

Понимая, что в сложившейся ситуации больше они ничего не получают, Грязнов приказал своим заканчивать работу, отпускать уставших людей, закрыть на все замки и опечатать квартиру. До того момента, пока не найдутся родственники покойного. Наверное, Турецкий найдет его мать в Петербурге. А вообще-то у Вадима Кокорина были друзья, приятели, коллеги наконец, которым, видимо, не должна быть безразлична память погибшего. Ну вот пусть на досуге сами и займутся ею. В смысле – памятью.

Когда с помощью все тех же отмычек закрывали дверь, эксперт сообщил Грязнову, что на замках не обнаружено никаких следов от слепков или от грубой работы с отмычкой. Это означало, что вчерашние посетители владели ключами от этой квартиры. А где они их взяли? Может быть, у самого Вадима?

Как только Грязнов спустился, водитель «форда» тут же протянул ему телефонную трубку.

– Слушаю, Грязнов.

– Вячеслав Иванович! – раздался неожиданно бодрый голос Николая Саватеева, которого он посылал на квартиру Зотова. – А он, голубчик, оказывается, дома! Но трясется, как заяц, и ни с кем, кроме вас, не желает вести переговоры. Что будем делать? К нам доставить или, может, вы найдете минутку подскочить... виноват, подъехать сюда?

– А вы где? – хоть и утешающую новость принес Саватеев, что-то во всем происходящем не нравилось Грязнову. Опять нестыковки, тайны, в общем, хреновина какая-то...

– Мы на Долгоруковской. Дом напротив студии мультфильмов. Два шага от нашей конторы.

– Да знаю я, чего ты объясняешь... Ладно, пусть парень пока успокаивается, а я сейчас подъеду. На него что, покушались, что ли?

– Ага! – радостно сообщил Николай. – Вроде того!

– Ладно, – хмуро ответил Грязнов и добавил уже скорее про себя: – Кому что, а кому все казаки-разбойники... Давай домой, на Петровку, – обернулся он к водителю, – а там скажу куда...

«Сморчок» выглядел и вел себя очень странно. Страстно расширяя глаза и переходя на таинственный шепот, Рэм, как-то пугливо оглядываясь на собственные стены, пытался рассказать, как вышел из редакции, как сел в машину, как его завезли черт-те куда, в район метро «Тулльская», где он и отродясь-то не бывал, и сам район для него – глухая Тмутаракань... Проезжая мимо какого-то высокого дома с квадратным, типа арки проходом во двор, он решился наконец и, когда машина замедлила ход, поворачивая в этот двор, распахнул дверцу – и был таков! Ну прямо сюжетец из американского боевика, которые постоянно крутят по телевизору ближе к полуночи. Там, между прочим, и не такому можно научиться, есть варианты и покруче.

Словом, Вячеслав Иванович скоро понял, что рассказ Зотова – не результат пусть сбивчивых, но реальных воспоминаний. Темнит парень, старательно вешает на уши лапшу. Колоть его немедленно не имело смысла. И взволнован, и напряжен он был искренне – точно. Вероятно, всему этому рассказу предшествовала какая-то очень сильная психологическая встряска. Пусть успокоится и убедится, что ему поверили. А вот когда поймет это и станет сам мыслить логически, тут ему и можно будет устроить парочку нехитрых ловушек, куда он рухнет со всеми потрохами.

– Так кто ж это мог быть? – серьезно допытывался Грязнов.

Зотов лишь разводил руками.

– Что хоть говорили-то похитители? О чем спрашивали? Сколько денег требовали? – шел на выручку Грязнов.

А он только твердил: «не знаю», объясняя свою забывчивость чисто психологическим шоком – впервые же, понятное дело!

Так-то бы оно так, внутренне усмехался Грязнов, кабы он не знал, что в минуты опасности как раз и обостряются все чувства – и внимание, и память работает, как правило, с максимальной нагрузкой. Впрочем, возможно, у всех по-разному.

Словом, картинка выглядела таким образом. Разговор Грязнова с Зотовым был подслушан. Правда, неизвестно, кого здесь ловили, скорее все-таки Зотова. Вот и воспользовались предложением, опередили, выманили и похитили. Чего добивались этим? Наверняка их интересовало в первую очередь, что Вадим привез из Америки. Собственно, единственный, правда повторяющийся в разных вариациях, вопрос так и звучал, пока ехали, как ему было сказано, в Бутово, а заехали куда-то вбок. «Где то, что Кокорин привез из Штатов?» – «А что он должен был привезти? – недоумевал Рэм. – О деньгах, что ли, речь? Так их у Вадима отродясь не водилось». – «Чего от него и от тебя было нужно ментам? За что замочили Вадима?» Ну уж на это Зотов вообще ничего не мог ответить.

– Спрашивали именно этими словами? – уточнил Грязнов.

Зотов кивнул. Он говорил им, что ничего не знает, а просто позвонил по указанному телефону, когда увидел фотографию Вадима на телеэкране. Ну еще отвезли его труп опознать, что он и сделал. И буквально все вышесказанное повторил в прокуратуре следователю.

– Как выглядели похитители?

– Один постарше, другой, соответственно, помоложе. Старший задавал вопросы, не поворачивая головы. У молодого лицо было невыразительное, трудно запомнить и описать. Да я вообще не могу похвастаться хорошей зрительной памятью, – скромно сознался осмелевший Зотов.

Вот практически и вся информация. На остальные вопросы он отвечал пожатием плеч, отрицательным покачиванием головы, ничего не говорящими междометиями.

Странные это были похитители, думал Грязнов. И попросил Зотова постараться еще раз рассказать все сначала. И уже через минуту-другую понял, что у парня просто отличная память, буквально слово в слово. Конечно, журналист, постоянная тренировка, ничего не скажешь. Вот и рассказ словно отрепетирован.

Ладно, решил он, с этим пока ясно. Никакие это были не уголовники, хоть и старались выдать себя за них. Если, кстати, старались. И скорее всего, обитают они где-то в кривых коридорах Владькиной конторы. Ну подслушали, ну перехватили, а дальше-то что? Неужели до такой степени обленились и мышей не ловят, что нашли для себя легкий способ: обложить грязновскую команду со всех сторон, чтобы, наступая на пятки, первыми прискакать к финишу? Но тогда естествен вопрос: что они знают такое, о чем пока не догадывается Грязнов?

Старательно врущий Зотов становился все более неприятен Грязнову. Можно, конечно, было бы сейчас взять его под белы ручки и снова смотаться на край света, в Бутово, да пошарить в кокоринской библиотеке, однако Вячеславу Ивановичу почему-то казалось, что там они уже ничего не найдут. Тогда где же, где находятся те материалы, за которыми также безуспешно пока охотятся «соседи»? А то, что они ничего не нашли при вчерашнем обыске в квартире Вадима, подтверждается нынешней примитивной акцией с этим «сморчком». С другой стороны, выяснив, что он ни черта не знает, они могли элементарно подтолкнуть его к попытке побега, много ума для этого не надо. А все разыграно как похищение! Подумаешь, перехватили свидетеля, попробовали прижать и, ничего не получив, выкинули из машины! Вот это, пожалуй, и есть настоящая правда, без всякой тайны и романтики. Правда, врет уж больно складно... Но это может исходить и из профессии.

И тогда Грязнов решил попробовать зайти с другого бока.

Он сказал, что теперь, после повторения рассказа о похищении, все понял и его сомнения рассеялись окончательно. Добавил, что Рэм Васильевич в столь опасной ситуации повел себя абсолютно правильно, и он сам, опытный оперативник, вряд ли бы повел себя иначе. Наладив таким образом определенный контакт, Грязнов стал советоваться, к кому бы еще обратиться из того круга журналистов или просто хороших знакомых Вадима, которые были ему особенно близки. С кем он мог бы делиться своими планами. И не только творческими. Было бы интересно поговорить с ними о характере Вадима, о его привязанностях, о его женщинах, если таковые были, о прочем, из чего складывается жизнь человека.

Зотов уже полностью пришел в себя и спокойным голосом назвал несколько фамилий, которые Грязнов тут же записал. Он был методичен, этот «сморчок», и, перечисляя интересы Кокорина, всякий раз называл новые имена. И получалось так, будто покойный дружил как бы по интересам. В каждом из этих списков неизменно присутствовала одна фамилия, которую Рэм скромно называл последней – его собственная. Он не выпячивал таким образом себя, но желающий мог увидеть, что, пожалуй, ближе товарища, чем Зотов, у Кокорина не было. Они были ровесники, их объединяли общие интересы: история, компьютер, кулинария, музыкальные пристрастия, даже в некотором роде женщины. То есть имелся определенный круг женщин, с которыми они оба предпочитали встречаться, и все прочее.

Странно, чем же этот «сморчок» может нравиться женщине? Ну Вадим – тут другое дело, парень был видный, симпатичный, спортивный. А здесь? Легкое, как говорится, недоразумение! Впрочем, загадку женской души не разгадал еще ни один философ за многие тысячелетия.

Рэм даже оживился, углубляясь в воспоминания и повествуя о них так, будто Вадим был жив и вот сейчас войдет в комнату. Момент был подходящим. И Грязнов без всякой натуги, словно бы между прочим, задал несложный вопрос:

– А запасные ключи от своей квартиры он у вас хранил? На всякий случай?

Рэм осекся. Глаза его беспокойно заметались, и Грязнов понял, что попал в точку. Теперь только дожать, не дать ему расслабиться.

– Почему вы так решили? – Зотов был по-детски растерян.

– Я так вас понял. Вы несколько раз повторили, что могли зайти к нему в любое время. На правах хорошего друга. Что это было вполне нормальным явлением. Чего ж тут странного? А при обыске в гостинице мы не обнаружили в его карманах вообще никаких документов. И никаких ключей. Вы, как я понимаю и глубоко верю вам, – Грязнов для большей убедительно-

сти даже прижал свою широкую ладонь к сердцу, – не могли знать о его гибели. Однако в тот же вечер кто-то побывал в квартире Кокорина и унес оттуда все компьютерные материалы, учинив предварительный обыск. Это могли сделать те люди, которые вынули ключи из его кармана. Но у человека, живущего в одиночестве, не могут быть только одни ключи. Вот, к примеру, лично я вторую связку держу у своего друга. А еще одну, для контроля, у племянника. Логично? – И, дождавшись кивка, он продолжил: – Поэтому я подумал, что коль скоро вы были Кокорину наиболее близки среди других его приятелей и коллег, то и ключи свои, второй их экземпляр, он наверняка держал либо на работе, в сейфе, либо у вас.

Грязнов открыто улыбнулся, и Зотов сдался.

– Да, конечно, ключи у меня, – вздохнул он покорно, но тут же воскликнул: – Но я ими никогда не пользовался!

– А это уж ваши личные с ним дела, Рэм Васильевич. – Грязнов был доволен. – Значит, если вы не станете возражать, я их возьму пока у вас? Во избежание, так сказать? Но они никуда не денутся и будут немедленно переданы его матери, родственникам, если таковые отыщутся и обратятся к нам, на Петровку. А теперь скажите мне, какие свои материалы он боялся хранить у себя дома и поэтому передал их вам? При этом я совершенно, можете мне поверить, не укоряю вас в том, что в беседе со следователем, – Грязнов сознательно опустил слово «допрос», чтоб не пугать ответственностью, – на этот вопрос вы дали отрицательный ответ. Вам надо было прийти в себя после увиденного в морге, обдумать, принять решение и так далее. Да вот и вопросы похитителей, скорее всего, тоже насторожили. Не так ли? И еще вы наверняка подумали: а вдруг они нагрянут к вам сюда, всех перепугают, устроят форменный обыск, перевернут квартиру вверх дном...

Зотов поразмыслил и кивнул.

– Вот я и подумал, что, видимо, не зря эти типы, что были на черной «Волге», о которой вы рассказывали, так вцепились в вас. И вот теперь от вас лично зависит, найдем мы убийц вашего друга или будем еще долго блуждать в потемках. А в это время некие заинтересованные лица будут похищать свидетелей и шантажировать их, верно?

И снова кивок. Вынужденный какой-то. Но все равно победа. Больше у Грязнова сомнений не оставалось.

– Конечно, я отдам вам этот дневник, – сказал вдруг Зотов. – Но при одном жестком условии.

– Каком?

– Вы дадите мне честное слово, – Зотов вдруг сморщился и резко отмахнулся, – хотя какое сейчас может быть... Ладно. Но никто не должен знать, что этот дневник хранился у меня. Это хоть можете обещать?

– Я могу дать вам свое честное слово, – жестко сказал Грязнов, – а что ему действительно можно верить, вам подтвердят те десятки, если не сотни, матерых уголовников, которых лично я отправлял за решетку. И ни один из них не был на меня в обиде. Ненавидели – да, пробовали убить – тоже, но никто ни разу не обвинил во лжи. Устраивает?

– Вполне.

– Я примерно догадываюсь, Рэм Васильевич, чем продиктована эта ваша просьба, и обещаю не подвести вас.

– Хорошо. – Зотов поднялся с дивана, на котором расслабленно полулежал, и ушел в другую комнату. Порывшись среди множества книг, заполнявших книжные полки, вернулся с общей тетрадью.

Грязнов заметил при обыске в квартире Кокорина, что хозяин, следуя, возможно, доброй писательской традиции, предпочитал пользоваться хорошей перьевой ручкой. Именно «паркер» лежал у него возле компьютера.

– Это, – сказал Зотов, протягивая Грязнову тетрадь, – дневник самого Вадима. Только почерк у него собачий... был. Если чего разберете... Так, общие впечатления, какие-то оценки, наброски портретов – для памяти. Она у него была достаточно хорошей...

– А у вас? – с улыбкой спросил Грязнов.

– Не жалуюсь, – автоматически ответил Зотов и, вздрогнув, посмотрел на генерала.

Грязнов же сделал вид, что не обратил внимания на его ответ.

– И это все, что он привез с собой из Штатов? – спросил с удивлением.

– Ну что вы! Я ж, кажется, говорил, что у него был также своеобразный дневник его отца, который, собственно, и должен был лечь в основу серии публицистических материалов Вадима. Но где все это? Что-то он, естественно, держал в компьютере. А вот где оригиналы? Убей бог...

– У кого-то из ваших общих знакомых?

– Исключено, – твердо заявил Зотов, и Грязнов понял, что так оно и есть.

– Тогда остается искать в его доме. Где уже побывали посторонние. К сожалению. Но может быть, они не нашли? Может, у него какой-то там хитрый тайник имеется? Вы не в курсе?

– Это надо увидеть своими глазами...

– Так, может быть, мы с вами махнем туда еще разок? На ночь-то глядя. Ключи есть. Соседи там вполне приличные люди, подтвердят отсутствие у нас криминальных намерений. Вы ж там все знаете, а мы – как слепые котята. Давайте? Туда и обратно. А если опять объявятся шантажисты, вы им скажете со свойственной вам искренностью, что поддались на мои уговоры, но, к сожалению, ни черта нигде не обнаружили. Вот и пусть умываются.

Зотов снова нахмурился в раздумье, но, так как генерал не требовал от него каких-то новых признаний, согласился с предложением.

Нине Петровне, маленькой, испуганной женщине, сидящей на кухне в компании капитана Саватеева, Грязнов сказал, что они ненадолго съезжают с ее сыном в одно место и через часок с небольшим доставят его домой. Чтоб она не волновалась. А если кто будет звонить и интересоваться, кто был да куда уехали, отвечать надо просто: не знаю, и все. Сын вернется – сам и расскажет.

Оперативников наконец отпустили, а Грязнов с Саватеевым и Зотовым отправились снова в Бутово.

По дороге, все время мыслями возвращаясь к дневнику Вадима, Грязнов спросил у Рэма, почему, по его мнению, Кокорин не держал этот свой дневник дома? Он же смотрел дневник и сам сказал: отдельные наблюдения, зарисовки, портреты. Может быть, фамилии лиц, о которых шла речь, были нежелательны для освещения в прессе?

Все может быть, кивал Зотов. Но это можно узнать лишь в том случае, если удастся выстроить весь ряд действующих лиц, понять их взаимозависимость, а также твердо знать, кто из них чем занимается. Может, там агенты ЦРУ. Или КГБ. Кто, в самом деле, знает?

Логично мыслит, отметил Грязнов. Скорее всего, так оно и есть.

Однако, так это или нет, могло ответить только время, потраченное на доскональное, тщательнейшее изучение фактуры дневника. Сам Грязнов разбирать синие каракули журналиста не собирался, не его это дело, не царское. Хотя можно было бы сказать, что и не генеральское – ничуть не хуже. Вот пусть Сашка, которому все равно путь лежит в привычный для него Питер, и занимается в дороге «кроксвордами», как выразился незабвенный Аркадий Исаакович...

Соседи, естественно, узнали Рэма Васильевича, немедленно посочувствовали общему горю, тихо присели в прихожей, если что от них вдруг понадобится. Увы!

Весьма неплохо ориентировавшийся в библиотеке Кокорина, Зотов немедленно залез на одну полку, другую, сгрузил некоторые книги на пол, словом, вел себя как хозяин.

– У нас были довольно близкие интересы, – объяснял он, неожиданно застенчившись, – вот и с книгами тоже. У него от отца еще много осталось. Ну то, что не конфисковали при обыске. Философия, история. Он все-таки толковый был мужик, папаша Игорь Владимирович, хоть и не очень умный в житейском смысле.

Грязнов удивился такой оценке.

– А что вы под этим подразумеваете?

– Ну как вам сказать... – «Сморчка», кажется, потянуло в философию. – В тех условиях, я имею в виду семидесятые, по-моему, довольно глупо было столь откровенно фрондировать. Опыт Сахарова мог уже чему-то научить. А так? Ну чего он, в сущности, добился? Посадили. Лишился семьи. Потом вообще вытурили за бугор. Это хорошо, что тут, – Рэм постучал себя по лбу, – что-то имелось в заглавнике. Да если б наши узнали, наверняка не пустили бы! Ни на кого бы не променяли! Это ж стратегические знания! И как они тогда лажанулись!

– А как бы вы поступили на его месте? – сделав наивное лицо, спросил Грязнов.

– Я?! Ну, во-первых, если честно, я бы наверняка не полез в диссидентство. Это ведь теперь детям рассказывать интересно. Вроде бы даже героические истории получаются. Вот, мол, чьими неустанными трудами, муками и кровью были достигнуты кардинальные перемены в нашем обществе. Знакомое выражение? А в нем столько же правды, сколько и цинизма. Во всяком случае, я почти уверен, что многие ведущие нынешние наши демократы ни за какие коврижки не повторили бы поступков Вадькиного папаша и иже с ним, не зная совершенно определенно, чем все в конце концов должно было закончиться где-нибудь в конце восьмидесятых годов. Вы не согласны?

Грязнов машинально кивнул. Но не столько соглашаясь с Рэмом, сколько своим мыслям о том, что поле битвы, где сражались герои, чаще всего достается мародерам. Кажется, нечто подобное он мельком прочитал на какой-то вывеске или афише, когда проезжал по городу, и еще, помнится, удивился горькой точности мысли.

Хотя, если быть перед самим собой, а не перед микрофоном на площади, до конца честным, Грязнов в силу своей профессии не видел героев на том, уже забытом поле семидесятых – восьмидесятых. Разве что академик Сахаров, да и тот скорее от Бога, чем от людей. К тому же и оценка основного круга лиц, с которыми приходилось общаться сыскарю Грязнову, носила определенно негативный характер.

«Сморчок» продолжал что-то говорить по поводу всеобщего сегодняшнего пофигизма, отсутствия идеалов, полной замены идей потребностями, а Грязнов краем уха слушал его и будто погружался в пучину уже привычной массовой газетной информации – все это было слышано и читано миллион раз, ничего нового.

Другое хуже – новый обыск не давал никаких результатов. Правда, случайно удалось обнаружить старую записную книжку Кокорина, пухлую и растрепанную, с несколькими сотнями фамилий и наверняка давно сменившимися телефонами и адресами. Листая ее, Вячеслав Иванович неожиданно наткнулся на уже известную ему фамилию Е. Е. Невской, проживающей в Ленинграде. Это, вероятно, та самая женщина, что звонила по поводу фотографии на телевидении. Значит, знакомство старое, книжке ведь лет десять, не меньше, на вид, во всяком случае. И она определенно подлежала внимательному изучению.

Не особо надеясь получить какую-либо информацию на этот счет от Зотова, Грязнов все же поинтересовался, не знакома ли ему такая фамилия.

– Невская? – Он покачал в раздумье рыжими своими лохмами и ответил отрицательно. Возможно, и слышал. Но – кто, что, не знает.

– Из Ленинграда, – подсказал Грязнов.

– Не могу сказать с уверенностью, – вычурно заявил Зотов, – поскольку баб у Вадьки всегда хватало. И в какой бы город он ни поехал в командировку, всюду имел возможность у кого-нибудь, как он говорил, разбить временный табор. Такой человек! – Рэм с укоризной

развел руками. Похоже, что сам он похвастаться подобными успехами не мог, а оттого, как известно, и виноград зелен.

Грязнов же сразу понял, что эта Елизавета Невская может стать неплохой зацепкой. Ведь всего два звонка и было-то. И если даже близкий приятель ничего не знал о женщине, с которой Вадим, возможно, общался больше десятка лет, это говорило лишь о том, что сам Вадим не собирался их знакомить. Причины? Они могут быть разными. В том числе и достаточно серьезными.

Вот с такими мыслями Грязнов закончил обыск.

Зотов пообещал пошарить в компьютере в редакции, может, там что-то осталось. Если Вадим, конечно, вводил туда какую-либо информацию.

Рэма привезли домой. Грязнов попросил Саватеева подняться вместе с парнем в квартиру, убедиться, что там все в порядке, и извиниться перед хозяйкой за доставленные неудобства. Генерал для этого не нужен, хватит и капитана.

В купе «Красной стрелы»

– Саня, так ты решил с поездкой? – спросил Грязнов.

– Да, сегодня и отправляюсь. Командировка в кармане. Я имел в виду командировочные. Поэтому традиционный посошок не отменяется.

– Во сколько?

– Как обычно. Около полуночи. Вагон шестой.

– У меня кое-что имеется для тебя, значит, подскочу обязательно.

Этот телефонный разговор состоялся в десятом часу вечера. А в половине двенадцатого Турецкий с Грязновым сидели друг против друга в двухместном купе «Красной стрелы» и, пока не появился второй пассажир, немного выпивали и закусывали.

– Я тебе на дорожку небольшой сюрприз приготовил, – сказал Грязнов. – У нашего «сморчка» пробудилось нечто напоминающее совесть, и он выдал дневник Кокорина, который тот вел во время поездки в Штаты. Я полистал, но вижу, что это не по моей части. Скорее по твоей, Саня. Ты получишь много удовольствия от чтения.

– Загадками говоришь, – недоверчиво заметил Турецкий, ожидая подвоха. И был рядом с истиной.

Когда Грязнов торжественно протянул ему общую тетрадь, на лице генерала было написано торжество. Турецкий открыл ее – в одном, в другом месте, попробовал прочесть несколько фраз при не очень ярком вагонном освещении, хмыкнул и отложил дневник в сторону.

– У него что, не было с собой какого-нибудь ноутбука? – задал риторический вопрос Александр Борисович. – И что это за манера подражать классикам мировой литературы?

– Почему? – с улыбкой спросил Грязнов, довольный произведенным эффектом.

– А ты когда-нибудь видел хоть страничку текста, написанного Достоевским? Или Пушкиным?

– Не приходилось. А что?

– А то, что там черт ногу сломит. Не говоря уж о нормальном человеке. Хорошо, что этот наш хоть не гусиным пером писал... Задал задачку.

– Я, когда полистал, – продолжил Грязнов, – сразу понял, что у него в школе чистописанье не преподавали. Но что-то понять можно. Вот тебе и развлечение на дорожку. И еще фактик для полноты картины: «сморчок» незнаком с мадам Невской из Питера. Хотя ее фамилия фигурирует в записной книжке Кокорина как минимум десятилетней давности. Подумай, что тут может быть за игра.

И Грязнов рассказал другу о событиях последних часов: исчезновении свидетеля, о его странном похищении, двух обысках в квартире Кокорина, закончившихся практически ничем. Турецкого в этом рассказе больше всего заинтересовало похищение, и он спросил, какие сообщения по этому поводу у Славы.

– Вот, следи, – сказал тот. Он вынул из кармана свое удостоверение, держа двумя пальцами, ловко открыл его, сунул под нос Турецкому и, с легким хлопком закрыв, спрятал обратно в карман. – Ну, что успел увидеть?

– Вашу физиономию, генерал, при погонах! – радостно заявил Турецкий и тут же охладил пыл: – Такие фокусы мы с вами еще на юрфаке, если помните, умели демонстрировать. И соревновались, у кого ловчей получится. К чему демонстрация?

– Я показал это «сморчку» и спросил, таким ли образом ему предъявлял свои корочки похититель? Он даже восхитился: один, говорит, к одному. Он тоже успел разглядеть лишь физиономию при погонах. Вывод?

– Это был кто-то из наших? – «догадался» Турецкий.

– Или «соседи». Но зачем, если мы работаем бок о бок? Или у них уже и между собой конкуренция?

– Ну не будь таким наивным, Славка! А когда было иначе? Давно уж пора относиться к таким вещам спокойно. Шпиономания – это же конек контрразведки. Иначе они и гроша ломаного из бюджета не получают. А так как они давно уже привыкли загребать жар чужими руками, в данном случае, скажем, твоими, то и подход соответственный. Как он, не сознался?

– Ты имеешь в виду «сморчка»?

– А кого ж еще!

– Темнит. Но, думаю, пуганули его. Был в полной расслабухе.

– Однако дневник-то он не им отдал, а тебе. Значит, не так глуп, как представляется. И дневник этот ты пока, надеюсь, не внес в список вещдоков, да?

– Ты за кого меня держишь? – почти обиделся Грязнов.

– Извини, – улыбнулся Турецкий. – Речь о том, были ли тому свидетели? Ну когда он отдавал дневник тебе?

– С глазу на глаз.

– Вот и отлично. Пока я его не исследую от корки до корки, тишина в студии, никому ни слова. Ну? – Турецкий взглянул на свои часы: – Пора отвальную. Надеюсь, вы тут без меня что-нибудь сможете накопать.

– С тем же пожеланием, – Грязнов поднял стакан с остатками коньяка. – Кажется, на этот раз дорога у тебя будет спокойная. Я посмотрел на проводниц – слоны, а не бабы, с ними шуры-муры не заведешь. И к лучшему. Отдохни, почитай.

Турецкий свернул тетрадь трубочкой, сунул в карман пиджака и вышел из купе проводить друга. Они постояли на перроне возле вагонной двери под изучающим взглядом действительно мужеподобной проводницы, Турецкий выкурил последнюю папиросу, и наконец проводница пригласила отъезжающих занять свои места. Слава махнул рукой и пошел к зданию вокзала. А Турецкий вернулся в купе и, включив свет над головой, улегся, не раздеваясь, с тетрадкой в руках.

Вошедшая вскоре проводница – она была уже без громоздкого своего пальто и не казалась могучим изваянием, символизирующим неизбежность эмпээсовских устоев, – попросила билетик и деньги за постель. Отдав требуемое, Турецкий, придав своему голосу максимум проникновенности, которая, он знал, действовала на женщин среднего возраста и не награжденных господом чрезмерным интеллектом, попросил проводницу, чтобы она, по возможности конечно, не подселяла к нему второго пассажира.

Эту просьбу она встретила снисходительной и немного загадочной улыбкой, приятно расцветившей ее грубоватое лицо. Она выпрямилась, словно расправила плечи, и полностью перегородила широкими бедрами дверь купе.

«Батюшки!» – едва не охнул Турецкий, вообразив, на какие догадки подвиг он этот монумент.

– А если дамочка? – Она сказала это таким тоном, будто уже заранее была согласна на любые его условия. И при этом игриво щурила глаза, полагая, видимо, что это придает ей больше загадочности и шарма.

– Слишком дорогое удовольствие! – перевел все в шутку Турецкий. – А я хочу отдохнуть... почитать, подумать.

– Ну никогда не поверю, – повела она пышным плечом, – чтоб генералу – и дорого!

– Ну почему же генерал? – стал он зачем-то оправдываться перед этой жеманно мурлыкающей слонихой. – Я никакой не генерал.

– Да ладно, – простила его проводница. – А кого ж тогда другой генерал-то провожал? Они, генералы, полковникам ручкой не машут!

– Ах ты моя наблюдательная! Ах глазастая! – вырвалось у Турецкого. – Это ж надо! Все успела углядеть!

– Работа такая, – весьма двусмысленно ответила она.

– Это понятно... Но соседку тоже не надо. Лучше для начала дай-ка мне, дорогуша, парочку чаю, да покрепче.

– Вот сейчас закончу с билетами, и отчего ж, можно и чаю. Для начала. А вы бы все ж заглянули в служебное купе, вдруг понравится? Ну, пойду! – И снова игриво подмигнула с очень большим значением.

Прекрасно понял Турецкий, о какой попутчице была речь. Они, эти ловкие проводницы, нынче словно бандерши. Всегда готовы обслужить богатенького клиента, взыскующего дорожных приключений. И «случайная» попутчица сидит сейчас в служебном купе в ожидании вызова. Не вагон, а бордель на колесах. А что поделаешь, жить-то все хотят... Да ведь и она вполне искренно сказала: работа такая.

Конечно, никуда он не пошел. Лежал и читал, пока не вошла проводница с подносом, на котором стояли два стакана чаю в подстаканниках, лежали сахарные кубики и пачки с печеньем.

– Может, еще чего пожелаете?

Была она уже без куртки, в голубой форменной рубашке, подчеркивающей неумное богатство ее бюста. В движениях ее чувствовалась своеобразная грация, живо напомнившая Александру Борисовичу сходные ситуации в прошлом, и, к слову, не таком уж далеком, когда превыше всего остального его привлекало в женщинах ощущение новизны, неожиданности и даже пусть некоторой комичности ситуации. Откуда-то проклюнулась шальная мыслишка: уж не себя ли на крайний случай имела в виду проводница?

– Зовут-то тебя как? – спросил Турецкий, подумав, что обращение на «вы» как-то не очень уместно.

– Ольга, – ответила она, опираясь о столик и глядя на него сверху вниз, – Оля.

– Я почему-то так и подумал... имя подходит. Присядь. А вы тут не боитесь?

– Чего? – удивилась она, садясь напротив и упираясь ладонями в мощные свои ляжки.

– Да вот хоть тот же генерал, которого ты видела. Он же из милиции. А вдруг и я из той же конторы. А ты мне... ну, предлагаешь попутчицу, скажем так. Не опасно?

– Я тебе скажу, родненький, – она качнулась к нему, – что как раз такой клиент больше всего интересуется, с кем ехать придется. А если ты ему вариант предложишь, иной так отрывается, что за его здоровье опасаясь. Чего ж не поглядел-то?

– А чего глядеть зря? Может, мне вот такие, как ты, по вкусу, а остальные не нравятся? Что скажешь?

– Хитер ты, генерал, да я больше не по этой части, поэтому отдыхай теперь, если сможешь.

– Это почему же?

– А потому, что у твоего соседа, – она показала большим пальцем себе за спину, – появилась попутчица. А он крутой мужик, видать. Так что лучше быстрее засыпай...

– Придется, – засмеялся он и, окинув еще раз взглядом ее фигуру, добавил: – Хороша! Для того, кто понимает...

Она, уже выходя, задержалась у двери, обернулась:

– Симпатичный ты мужик, хоть и генерал. Ладно уж, если спать не будешь, после Болого, может, и загляну. Дверь-то закрой, а защелку – не нужно... А ты, поди, еще и хулиган? Ну-ну!

И царственно вышла.

«Ну вот тебе и приключение, господин особо важный, – хмыкнул Турецкий. – Значит, мужик ты еще симпатичный, и поэтому не должен быть эгоистом... Ты теперь просто обязан сделать этой Олечке приятное».

Попив чаю с печеньем, он собрался сходить в туалет – умыться перед сном. А заодно тянуло почему-то заглянуть, по ошибке естественно, в соседнее купе, чтобы увидеть, от чего отказался. Тем более что и дверь туда была открыта. А до Турецкого вот уже с полчаса доносился раздражающий женский смех.

Он так и сделал, заглянул в открытую дверь и тут же извинился. Но успел увидеть хозяйку – явно податого крупного коротко стриженного молодца, выглядевшего, впрочем, вполне прилично – в белой рубашке с пестрым галстуком и такими же широкими подтяжками. Пиджак его болтался на вешалке. А напротив на диване устроилась худощавая брюнетка в больших притемненных очках. Это она смеялась так раздражающе-завывно. Турецкий, как джентльмен, кивнул с улыбкой и пошел дальше, словно чувствуя на спине надменный взгляд «пассажирки». Подумал, что коленки у нее вроде бы и ничего, но вряд ли клиента может ожидать здесь что-то особенное, скорее всего, элементарный секс, больше напоминающий набор физкультурных упражнений, поскольку она – явная профессионалка. Они, эти дамы, и сексом предпочитают заниматься в очках, считая, что это придает больше таинственности. Или возбуждает, черт их разберет...

Нет, конечно, никогда не был снобом Александр Борисович, особенно в любовных делах, что тут говорить! И ни перед кем не хвастался своими победами на этом фронте. Единственное же, чего он не терпел, – это обыденности, преснятины. Каждый раз он ожидал какого-нибудь, пусть даже малого, открытия. А иначе все это действительно превращалось в какую-то гигиеническую необходимость. Вроде обязательной чистки зубов. И та голенастая брюнетка не вызвала у него ни малейших эмоций. А вот богатырская Ольга... Если, конечно, она не переживает, это может быть интересно со всех точек зрения – и прежде всего чисто зрительной: нечто яркое, могучее, кустодиевское. Как эти его знаменитые чувственные купчихи. А что, для кого-то они, возможно, были недостижимым идеалом!

Но все эти, в сущности, никчемушные легкомысленные размышления быстро отошли на второй план и позабылись, потому что, вернувшись в свое купе, Турецкий защелкнул дверь поворотом замка, но стопор не поднял – на всякий случай! – и снова завалился со своим дневником.

«Черт возьми этих писателей со всеми их эмоциями, сентенциями и прочей хренотелью, – подумал несколько минут спустя. – А ведь затягивает же понемногу. Будто ты наблюдаешь в замочную скважину за чужой жизнью. И видишь то, что тебе, в общем, хорошо известно, но почему-то совсем с другой стороны. И ты помимо желания как-то вдруг начинаешь принимать игру чужого воображения как нечто очень близкое тебе, как твою собственную, и тут тянет возражать: нет, брат, врешь, не прав ты, и так далее, и тому подобное. Но тебя уже затягивает дальше, а что там, на следующей странице? В новом круге жизни. В чужой судьбе. Ты начинаешь следить за отсутствующим действием, которым представляется этот неупорядоченный набор наблюдений. Есть какая-то притягательная, странная тайна в строчках, написанных чужой рукой. Особенно когда тебе уже известен финал этой трагической истории...»

Трудно было разбирать каракули. Но, как оказалось, интересно.

Кокорин писал не для потомков, а для себя. И это был, в сущности, не дневник в буквальном смысле этого слова, а нечто вроде записной книжки писателя, где отдельные наблюдения или факты просто фиксировались, и рядом – почти готовый текст, со своим сюжетом, с наметками характеров, с портретными зарисовками. Вероятно, как и большинству журналистов, автору дневника мерещились лавры беллетриста. Ибо слово любого, даже самого выдающегося журналиста – все равно однодневка, в то время как весьма средняя книжка писателя может претендовать на вечность. Ничего не скажешь, великая несправедливость судьбы!

И еще одна деталь несколько озадачила Турецкого. Дневник начинался как бы с полуфразы: «...И вот поэтому...» Это могло означать, что начало, если таковое имелось, было в другой тетради. Так сказать, предыдущей. А где она? Или где возможное продолжение? В общем, сплошные загадки.

Ковыляя поначалу от буквы к букве, от слова к слову и так далее, Турецкий каким-то самому ему непонятным образом втянулся в чтение, вошел в ритм писавшего, в его настроение, и вдруг почувствовал, что уже разбирается в тексте почти без труда. И тогда он вернулся к началу...

Дневник Вадима Кокорина

«...И вот поэтому вспомнил также и рассказ о его развеселой поездке в „Париж и область“, как было напечатано в командировочном удостоверении, выданном Валере Главным управлением московской торговли...

Он убеждал, хоть никто не верил, что та командировка возникла случайно. С любопытной преамбулой. Встретил однажды в ЦДЛ приятеля, который был в очень хорошо поддатом состоянии, так что даже лыка местами не вязал. Тот повис на шее: давай еще по сотке. Куда уж! Пристал. Дернули у буфетчицы Вали – с традиционным апельсиновым соком. Закурили. Потом взяли повтор и устроились в уголке, под витражом. Говорили, естественно, о бабах. О чем еще можно говорить двоим мужикам в хорошем состоянии? Вот и говорили. И тут Балерин приятель, про которого было известно только то, что он крутится в «пятерке»...

Этого Александру Борисовичу объяснять не нужно было. Речь шла о Центральном Доме литераторов, который некоторые доперестроечные посетители называли еще Домом *культуры* писателей и весело гужевались в Дубовом и прочих залах до полуночи. В начале девяностых писатели ходить туда перестали и появилась публика с толстыми кошельками. А «пятерка» – это Пятое управление КГБ, которое занималось исключительно интеллигенцией, которая есть, по выражению классика марксизма-ленинизма, не мозг нации, а говно, и аж до самого восьмидесятого года боролось поэтому с идеологическими диверсиями. Кстати, как показывает история, именно из писателей получались очень толковые стукачи. И кем был Балерин приятель, объяснять не надо.

«...После второй или третьей порции водка-сок приятель вдруг оборвал свои знойные речи и сообщил почти трезвым голосом: „А у меня сейчас этих баб до едрени фени! Хочешь, покажу?“ Отчего не согласиться? „А в Париж на декаду хочешь с ними смотаться?“ Ну это и по-трезвому-то из ряда вон! „Кончай травить!“ А в ответ: „Я серьезно!“ – и взгляд нормальный и без балды.

Валера и сам на шутки мастер. Так, чтоб погасить пустую тему, сказал, что у него и загранпаспорта-то нету. На что последовал немедленный ответ, что организовать его как два пальца... И через комиссию старых райкомовских пердунов проведут без возражений, было бы согласие. А чего не соглашаться? Ты меня разыгрываешь, а я – тебя. По рукам? Вдарили. Валера и не думал, чем должен будет потом заплатить за свое согласие.

Паспорт был готов через три дня – фантастика! А старперы, то есть комиссия райкома партии, фильтрующая выезжающих за границу в служебные командировки и на отдых и состоящая исключительно из «старых большевиков» – ветеранов партии, не удостоила ни единым вопросом, просто посмотрели внимательно и председатель махнул склеротической ладошкой: вали отсюда. Паспорт тоже вручали не в Союзе писателей, где сидел свой собственный заслуженный чекист, а почему-то в управлении торговли, которое находилось за спиной здания ЦК комсомола, в Большом Комсомольском переулке. Хитрый жук, нач. отдела кадров, взял у Валеры советский паспорт и выдал заграничный с категорическим указанием по возвращении сразу же, не теряя ни минуты, прибыть сюда для обратного обмена. И еще добавил одну многозначительную фразу, смысла которой Валера не понял: «Вы там сами прекрасно знаете, что нужно делать...»

А идея состояла в том, что Валере поручалась небольшая группа ответственных работников торговли столицы, которым выпала честь, в связи с победой в годовом соцсоревновании, получить поощрение горкома партии и Минторга за ударную работу в виде десятидневной туристической поездки во Францию – в Париж и еще пару других городов. Валера был пред-

ставлен этой группе в качестве ответственного помощника руководителя делегации и переводчика, поскольку владел литературным французским в совершенстве. И помимо всего прочего был членом парткома секции переводчиков в московском отделении Союза писателей.

Группа действительно была что надо! Трое мужчин старше среднего возраста, деловитых и степенных, и дюжина баб – одна другой краше и настырней.

Приятель перед отлетом спросил: «Понравились? Тогда не теряйся, за границей этот кайф ощущается особенно остро, как в последний раз. Главное, чтоб они сами из-за тебя не передрались. А когда вернетесь, у меня к тебе будет одна личная просьба. Не бойся, без подвоха. Хочу поближе сойтись с одним твоим знакомым. Вы с ним приятели. А ты меня с ним как-нибудь сведи. Не возражаешь?» И возражать вроде не было причины, и соглашаться как-то не клево... Имелась все-таки какая-то подоплека. Но ведь ничего недостойного или противозаконного приятель и не предлагал – просто познакомиться. Да и о стукачестве вопрос вообще не стоял. Зато – Париж!

А вот там не обошлось-таки без неприятностей. Хотя и не с Валерой. Во время экскурсии в какой-то суперторговый суперцентр одна из тертых российских барышень от прилавка вдруг, стоя посреди гигантского торгового зала, зарыдала в голос и ударилась в настоящую истерику. Припадок, обморок. Примчавшиеся врачи объяснили, что у нее, неподготовленной к встрече с западным миром с его реалиями, произошел вполне естественный нервный срыв. Вот такой диагноз. К сожалению, подобное случается, и чаще всего с советскими туристами. А чем лечить? Увы, способ оказался единственным: утром Валера вместе с руководителем делегации и сотрудником нашего посольства посадили все еще слабо рыдающую девицу в самолет «Аэрофлота» и попросили стюардессу приглядеть за ней, если что. Ей, правда, вкололи успокоительное, но кто знает, чем все это кончится. В Шереметьеве девушку встретили и сразу отвезли в больницу. Для поправки здоровья. Валера ее больше не видел. Однажды при случайной встрече спросил одного из «туристов», тот пожал плечами: потерял из виду.

Никаких конкретных замечаний Валера по возвращении не получил. Паспорт ему заменили в день прилета, приятель был по-прежнему любезен, правда, больше подобных поездок не предлагал. А может, причиной было то, что Валера, по его словам, ухитрился-таки «оторваться» с одной из особо отчаянных туристок и этот факт стал достоянием тех, кому это не удалось? Кому теперь интересно?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.